

лучше поздно!...

милые леопардиные

Глоток свежего воздуха.

L'Opinion

Жиль Легардинье
Лучше поздно!..

Издательство «Синдбад»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

Легардинье Ж.

Лучше поздно!.. / Ж. Легардинье — Издательство «Синдбад»,
2015

ISBN 978-5-00131-012-9

Последние двадцать лет врач Тома Селлак работал в составе гуманитарных миссий в разных уголках планеты, – лечил бедных, помогал обездоленным. Известие о том, что во Франции у него есть двадцатилетняя дочь, перевернуло всю его жизнь. Тома бросает все и возвращается на родину, убежденный, что «лучше поздно, чем никогда». Но как заявить о себе дочери, выросшей без отца, тем более – завоевать ее любовь?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-00131-012-9

© Легардинье Ж., 2015
© Издательство «Синдбад», 2015

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	18
5	21
6	23
7	25
8	27
9	29
10	31
11	33
12	35
13	38
14	40
15	41
16	43
17	45
18	47
19	48
20	51
21	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Жиль Легардинье

Лучше поздно!

Gilles Legardinier

QUELQU'UN POUR QUI TREMBLER

Published originally under the title “Quelqu'un pour qui trembler” © 2015, Fleuve Éditions,
un département d'Univers Poche

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018.

1

С наступлением темноты стало прохладнее. После изнуряющей дневной жары Тома наслаждался этой долгожданной свежестью. Сидя на краю горного карниза, нависшего над одним из укромных уголков Кашмирской долины на северо-западе Индии, он смотрел на маленькую деревушку Амбар, раскинувшуюся под его ногами. Он знал в ней каждого жителя, каждую лачугу. Из некоторых домишек, прилепившихся к покатым склонам, поднимались струйки душистого дыма, смешанного с искрами от горящих углей. Взмывая вверх, они сливались со звездами. Голоса женщин, собравшихся вокруг колодца, звук льющейся воды и звон металлической посуды указывали на приготовления к ужину. Блюда, которые подадут на стол сегодня вечером, будут совсем не похожи на те, что составили кулинарную славу этой огромной страны. Здесь нет и роскошных дворцов и храмов, нет пестрой толпы и катающихся на слонах туристов. Лишь горстка людей, пытающихся выжить там, куда забросила их судьба.

Заметив детей, играющих с собаками среди радостных криков и заливистого лая, Тома улыбнулся. Невозможно понять, кто за кем гоняется, но все явно резвятся в свое удовольствие. Даже в самых суровых местах люди находят время для веселья, едва жизнь дает им такую возможность.

С самого первого дня, когда шеф привел его на этот «наблюдательный пункт», чтобы ознакомить с ситуацией, Тома полюбил это место. Окончив работу, он поднимался сюда и с комфортом устраивался на каменной скамье, за несколько тысячелетий высеченной ветром и водой. Днем бескрайний пейзаж простирался до горизонта, и взгляд терялся в отрогах Гималаев, за пределами подвластных человеку земель. Ночью были видны лишь силуэты жителей деревни в мерцающем свете их ламп. В темноте всегда проще сосредоточиться на главном. Тома теперь все чаще приходил на свое любимое место. Ему надо было о многом подумать. Особенно в последние недели.

Из деревни доносились голоса. Даже почти не разбирая слов, Тома смаковал их мелодичность. Саджани пыталась загнать детей домой, чтобы заставить их делать уроки. Старик Кунал ругался – как и каждый день, почти в одно и то же время, – укладывая на место камни, которые сбили козы, прыгая через его ограду. Безмятежный вечер завершал день, прошедший без неприятностей. Настоящее чудо в этих местах.

При свете полной луны Тома видел, как деревенские занимались своими привычными делами. Быстрыми и точными движениями Кайлаш точил свой инструмент, готовясь к завтрашнему дню, а Рекха пыталась залатать сетку курятника. Тома немало пережил с каждым из них. Он лечил их, иногда спасал жизнь. И все же слишком часто не удавалось избежать худшего. Будь то радость или горе, он испытывал рядом с этими людьми невероятно сильные чувства – из тех, что уводят нас за пределы наших возможностей, подводят к самой нашей сути, когда любое притворство становится бессмысленным, а эмоции зашкаливают так, что выворачивает нутро и замирает сердце. Тома часто думал, что эти славные люди заслуживают более спокойной, размеренной жизни, в которой нет места жестокости. Но кто решает, какие испытания выпадут на нашу долю? В чьей власти избавить нас от несчастий? Кто может уберечь нас от бед? В Индии все очень верующие, но, видимо, боги слишком заняты и частенько забывают о некоторых несчастных. Здесь каждый принимает это спокойно и не теряет надежды. Главное – иметь будущее, даже если оно ограничивается завтрашним днем.

Целиком сосредоточившись на оказании ежедневной неотложной помощи, Тома не успевал размышлять над тем, что ему приходится испытывать в Амбаре, но в последние недели воспоминания о пережитом нахлынули со всей силой. словно пришло время подводить итоги.

Восемь лет назад он прибыл в округ Купвара в составе международной медицинской бригады, созданной для оказания помощи населению в разгоревшемся пограничном конфликте с

Пакистаном. С этого самого места, где он сидел сегодня вечером, его взору впервые открылись широкие земляные террасы, вырытые на склонах, где трудолюбивые жители выращивали себе пропитание. Он смотрел на этих работяг, вынужденных возделывать скудную землю, рискуя схлопотать шальную пулю. Сверху местные жители напоминали насекомых, усердно таскающих веточки. «Почему они не уезжают? – первым делом спросил себя Тома. – Почему не покидают этот опасный регион, где индусов – меньшинство и где жизнь так сурова?» С тех пор он многое понял и теперь знал, что в них нет ничего от насекомых и что здесь они – на своем месте.

Бригада медиков в итоге уехала без него. Вообще-то он должен был задержаться всего на неделю, чтобы помочь ребенку с сильнейшей лихорадкой. В отличие от большинства подобных случаев этот малыш выздоровел, но Тома все равно остался. Он никогда не спрашивал себя: почему? Видимо, причин для возвращения у него было еще меньше. Здесь он чувствовал себя необходимым. Люди нуждались в нем. Постепенно бледнокожий мужчина прижился в Амбаре. Перенеся не одну убийственную зиму и не одно обжигающее лето, на смену которым приходили разрушительные муссоны, Тома открыл для себя ценность жизни. И ее хрупкость.

Раздавшийся в кустах шорох выдернул Тома из раздумий. Он резко обернулся, взгляды ваясь в темноту. Сердце забило быстрее. Без сомнения, там кто-то был. Больше всего доктор боялся увидеть глаза или оскаленные клыки дикого пса. Внезапно он вспомнил, что забыл вооружиться палкой, которую Кишан всегда брал с собой, когда они поднимались сюда. Диких собак остерегались все в округе. Эти твари были способны на все, особенно если рядом была еда или легкая добыча. Тома убедился в этом несколько лет назад, в соседней долине, когда спасал Ниту. Пока он оказывал помощь молодой женщине, пострадавшей от неудачного падения, ему пришлось отбиваться от своры собак, – некоторые утверждали, что это были волки, – привлеченных запахом крови. Отчаянно крича и размахивая единственной свободной рукой, он сумел удержать их на расстоянии, пока не подоспела помощь. Он не любил вспоминать эту историю, так как уже почти поверил тогда, что его растерзают, но главное, потому что, крича и размахивая руками и ногами, чувствовал себя жалким и нелепым, неспособным защитить Ниту и контролировать ситуацию. Тогда он остро ощутил свое бессилие и возможность близкого конца. Всю жизнь веривший в силу великих идей, он четко осознал, что высокие идеалы и чистое сердце абсолютно бесполезны против своры бродячих псов. Он испытал невероятный ужас. При воспоминании о нем по спине до сих пор пробегал холодок. Это происшествие не прошло для Тома без последствий: во-первых, он заработал себе репутацию смельчака – с его точки зрения, совершенно незаслуженную, – а во-вторых, начал панически бояться собак, что немало веселило детей.

В темноте снова раздался шорох. Тома никак не мог понять, откуда он доносится. Его охватила дрожь. Адреналин побежал по венам. На ощупь, не переставая озираться по сторонам, он подобрал первый попавшийся камень. Небольшой камешек вряд ли мог чем-то помочь, но Тома все же стало спокойнее. Где-то поблизости хрустнула ветка. Теперь звук шел не из кустов, а со стороны тропинки. Не хватало еще, чтобы эти чертовы твари отрезали ему путь к отступлению. Бежать будет некуда. Чувствуя, как внутри поднимается паника, Тома прикинул, каковы будут его шансы выжить, если он спрыгнет с выступа вниз, прямо на деревню. Он уже представил, как падает на крышу чьей-нибудь лачуги, которая вряд ли выдержит его вес. Внезапно в темноте показался силуэт.

– Не будь я таким добрым, я бы сейчас зарычал, как собака... Видел бы ты свою физиономию! Ты бледнее луны!

Лицо Кишана расплылось в улыбке.

– Как же ты меня напугал! – выдохнул Тома.

– Будешь знать, как забывать палку.

Тома подошел к своему другу:

– Наконец-то ты вернулся.

– Я только что приехал. Раджат сказал, что видел, как ты поднимаешься сюда.

– Я ждал тебя еще вчера, беспокоился. Твой отец объяснил мне, что ты, должно быть, заехал в Шринагар.

– Да. По важному делу.

Тома решил не вдаваться в расспросы, но был удивлен, что его приятель ничего не рассказывает. Они не привыкли скрывать что-либо друг от друга.

– Заодно я зашел в офис Красного Креста, – сообщил Кишан, – и привез кое-что для аптечки.

– Срочности в этом не было, но все равно спасибо.

Мужчины сели рядом, глядя на долину. Где-то внизу тихо запела женщина. Тома облегченно вздохнул, искренне радуясь возможности отвлечься от грустных мыслей.

– Сегодня утром я заехал к старику Дарминдеру, – помолчав, сказал он.

– Как он?

– Нормально, но лучше бы ему перебраться поближе к деревне. На этот раз ему повезло. И все же, если мы не хотим однажды утром обнаружить его бездыханное тело, надо за ним присматривать.

– Мой отец с ним поговорит. Найдем ему место.

Некоторое время они молчали.

– Я смотрю, ты стал подниматься сюда все чаще? – внезапно спросил Кишан.

– Здесь я чувствую себя лучше.

– Ты думаешь о той женщине, что осталась в твоей стране?

Тома опустил глаза.

– Не столько о ней, сколько о том, что произошло после того, как я ее оставил.

И хотя Кишан никогда не боялся задавать даже самые откровенные вопросы, он помедлил, прежде чем спросить:

– Знаешь, какой сегодня день, друг мой?

– Нет.

– Ракша-бандхан, праздник братства.

– Раньше вы его не праздновали...

– Сегодня все иначе. Для братьев и сестер, для всех тех, кого связывают крепкие узы, необязательно родственные, этот праздник – возможность сказать близкому человеку, как он тебе дорог.

Тома с опаской посмотрел на своего друга. Даже в темноте он поймал его взгляд.

– Если ты снова собираешься заставить меня пить какую-нибудь кошмарную настойку, способную яка сбить с копыт...

– Нет, Тома. У меня три маленькие сестренки и младший брат. Но сегодня я хочу сказать тебе, что считаю тебя своим старшим братом.

По интонации доктор понял, что его друг не шутит. – Спасибо, Кишан. Я тронут. И ты знаешь, как я тобой дорожу.

Каждый из них испытал желание обнять другого, но постеснялся.

– В день Ракша-бандхан, – продолжил Кишан, – принято обмениваться браслетами, иногда подарками... Разумеется, все это чисто символически. Но у меня для тебя есть подарок, Тома. Думаю, он тебе пригодится, даже если не облегчит тебе жизнь...

– Если это щенок, я сразу отказываюсь!

Они расхохотались.

– А что же мне тебе подарить? – продолжил Тома. – Придумал! Тебе всегда нравился мой швейцарский нож. Но ты обязательно должен дать мне взамен монету. У меня на родине так принято. Иначе нож может разрезать нашу дружбу.

На этот раз Кишан не подхватил непринужденный тон, к которому склонял его собеседник. У него был сосредоточенный вид.

– Твой нож – прекрасный подарок, но, пожалуйста, дай мне закончить...

Он выдержал паузу, прежде чем продолжить:

– За все эти годы, что ты живешь в нашей деревне, ты многому меня научил. Ты знаешь тысячи вещей, о которых я не имею ни малейшего представления. Но сегодня вечером мне известно кое-что, о чем ты не знаешь и что наверняка перевернет всю твою жизнь.

– Ты меня пугаешь...

– Я тебя хорошо изучил, брат мой, и клянусь, мне сейчас очень не по себе оттого, что я знаю: начиная с этого вечера твоя жизнь уже не будет прежней. Я счастлив присутствовать при этом, пусть даже последствия меня не радуют.

– Да о чем ты? Перестань говорить загадками.

– Гордость во мне пересиливает грусть, поскольку, вручая тебе это, я помогаю судьбе указать тебе путь. И я знаю, что этот путь – единственно верный.

Кишан вынул из кармана куртки конверт и встал, чтобы вручить его обеими руками, как приношение.

– Это тебе.

– Что это?

– Открой.

Кишан включил свой фонарик и направил его на конверт. Увидев, как трепещет луч света, Тома понял, что руки его друга дрожат. Он распечатал конверт и извлек оттуда три листка. В круге света показалась фотография девушки. Эмма. Под именем – французский адрес. На всех трех страницах, отпечатанных на принтере, – фотографии разных размеров. Маленькая Эмма верхом на пони. Смеющаяся Эмма на дне рождения. Эмма, переодетая в пирата. Совсем крохотная Эмма перед огромным замком из песка с нее ростом. Эмма, стоящая на стуле, за стряпней. Юная Эмма в длинном платье с друзьями на вечеринке. Эмма на лыжах улыбается, а двое парней целуют ее в щеки...

Кишан произнес:

– У нее твои глаза, и волосы того же цвета, что у тебя. Посмотри, как она сидит на этой лошадке, точно как ты! А ямочки на щеках узнаешь? Она родилась через семь месяцев после того, как ты оставил свою подругу. Сомнений нет. Ты был прав. Это твоя дочь.

Тома молчал. Внутри него поднялась волна, захлестнув одновременно мозг и сердце. Он часто оплакивал чужих детей, но впервые плакал из-за собственного ребенка. Хриплым голосом он выдал из себя:

– За этим ты ездил в Шринагар?

– Я хотел найти ответ на вопрос, мучающий тебя с тех пор, как ты встретил друга детства. Я видел, что с тобой стало, когда он рассказал тебе о твоей бывшей девушке и ее ребенке.

– Откуда это у тебя?

– Сын кузена моего отца – военный. У него есть доступ к интернету. Он навел справки и распечатал результат.

Тома не мог отвести взгляда от фотографий. Эмма. На нескольких любительских, не лучшего качества снимках развернулась жизнь маленькой девочки, ее превращение в юную девушку. На заднем плане одной из фотографий Тома заметил Селин, мать Эммы. У него перехватило дыхание. После нее он не испытывал серьезных чувств ни к одной женщине. Почему она ничего ему не сообщила? Хуже всего, что она, возможно, пыталась это сделать, но он так часто менял адреса... Невыносимо было представлять жизнь этой малышки и ее матери в промежутках между этими снимками, одна только мысль об этом вызывала у Тома головокружение. Сегодня Эмме почти столько же, сколько было Тома на момент отъезда из Франции. Девушка улыбалась, ее мать тоже, но через какие испытания им пришлось пройти, живя

без мужчины, который должен был находиться рядом? Тома вытер глаза. Его руки дрожали гораздо сильнее. Кишан выдавил из себя улыбку.

– А теперь, брат, скажи, что ты хотел бы сейчас меньше всего услышать?

– Нет, Кишан, прошу, мне сейчас не до игр... И потом, обычно я задаю этот вопрос.

– Сегодня вечером моя очередь. Я скажу тебе, чего ты не хочешь слышать: тебе больше нечего здесь делать. Ты много нам дал. Ты стал частью нас. Каждый житель долины благословляет тот день, когда ты решил здесь остаться. Без тебя моя маленькая сестренка покинула бы мир живых и моя жена наверняка умерла бы две зимы назад. Мы все тебе чем-то обязаны. Ты отдавал себя без остатка. Нам тяжело расставаться с тобой, но теперь ты должен вернуться в свою страну. С тех пор как ты заподозрил, что у тебя есть дочь, ты стал другим. Я это вижу. Так что поезжай, познакомься с ней. Твоя жизнь среди нас завершена. Если ты останешься здесь, это тебя погубит.

Слезы текли по лицу Тома, но он этого не замечал. Чувства, томящиеся в плену, рано или поздно находят лазейку.

– Вытри слезы, мой друг. Они привлекут диких псов, которые тебя растерзают.

– Можешь смеяться надо мной сколько угодно, но ты тоже забыл взять палку.

– У меня голова была другим занята...

Внезапно Кишан вскочил с места, показывая пальцем за спину Тома.

– Осторожно, сзади! Огромный пес, уже пасть разинул!

Тома бросился к тропинке, но, услышав смех своего друга, понял, что тот, как обычно, шутит.

– За несколько минут ты поведал мне о существовании Эммы и напугал дикими собаками. Проверяешь, насколько крепкое у меня сердце?

– Я прекрасно знаю твое сердце, и сердечный приступ – удовольствие не для тебя, поскольку ты здесь единственный доктор в радиусе сорока километров!

Кишан протянул руку Тома, чтобы помочь ему взобраться на тропинку.

– Идем. Отец уже ждет нас.

Сложно сказать, кто первым потянулся к другу, но на этот раз они обнялись.

2

Последующие дни Тома провел словно во сне. Все вокруг осталось прежним – люди, местность, – кроме него самого. Выбитый из колеи известием о том, что у него есть дочь, Тома не мог ничего делать, кроме как плыть по течению, увлекаемый потоком. Он ощущал себя кораблем, внезапно потерявшим управление среди разбушевавшегося океана. В течение многих лет он держал себя в руках, прятал свои сомнения, чтобы выглядеть спокойным, обманывал себя и других, но Эмма пробила броню, в которую он себя заковал. И вот теперь его трюм залит водой и никто не стоит у штурвала. Переполненный чувствами, которыми он больше не мог управлять, Тома стал чрезвычайно восприимчив к словам и действиям всех, кто его окружал.

За два дня до его отъезда все жители деревни (а некоторые даже прибыли издалека) собрались под навесом, где обычно проходили собрания. Тома встретили песнями, аплодисментами и даже криками. В его честь каждый облачился в свою лучшую одежду. Нияти надела церемониальное сари. Отец Кишана, Даршил, глава деревни, учитель и владелец единственной в долине пишущей машинки, произнес короткую речь, которую Тома понял лишь в общих чертах. Затем Даршил попросил своего сына переводить для собравшихся жителей слова, которые он будет говорить Тома по-французски, – он гордился тем, что знает этот язык.

Отец Кишана поблагодарил доктора за помощь, напомнил о том, что им пришлось пережить вместе, и о том, что удалось построить.

– Ты многое нам дал. С тобой я вновь обрел удовольствие разговаривать на твоём языке и обучать ему своих людей. Я бережно храню книги, которые ты мне подарил. Наша школа отныне будет носить твоё имя, но мы никогда не забудем, какие кривые у тебя получались окна!

Тут глава деревни принялся рассказывать собравшимся истории, большинство из которых Тома уже забыл. Даршил излагал его жизнь в забавных анекдотах, потому что о более серьёзных деяниях Тома всем было известно и так.

– Когда ты приехал к нам, ты был просто большим ребёнком. Я видел, как ты учишься, как постигаешь жизнь. Сегодня ты уезжаешь мужчиной.

К удивлению Тома, даже после того, как Даршил произнес эти волнующие слова, все присутствующие продолжили весело смеяться.

– На самом деле, – признался Кишан, – я не перевожу им то, что говорит отец. Это слишком личное. Я припоминаю все глупости, которые ты успел натворить, живя у нас! Многие не знали, что ты получил пулю на границе, а дом, который ты построил, обрушился тебе на голову. Зато про собак знают все...

Даршил завершил свою речь, притянул Тома к себе за плечи и крепко обнял.

– Нам будет тебя не хватать. Каким бы ни был твой путь, я надеюсь, что однажды он снова приведет тебя к нам. Пусть мудрость Ганеши¹ поможет тебе сделать правильный выбор.

Было что-то сюрреалистическое в том, что вся деревня умирала от смеха, в то время как стоявшие посреди толпы старейшина и доктор не могли сдержать слез. Тома всегда поражала способность этого великого народа воспринимать судьбу как удачу или как урок. Никто не обижался на него, не просил остаться. Сейчас Тома было лучше уехать, и все принимали это гораздо спокойнее, чем он.

– Они не выглядят слишком расстроенными...

– Им сказали, что ты возвращаешься во Францию к своей семье. Они радуются за тебя!

Дети принесли ему подарки, которые сами смастерили.

В последний день большинство людей были удивлены, что Тома ещё в деревне. Многие разговаривали с ним гораздо дольше, чем обычно. Даже не понимая всего, Тома знал, что нико-

¹ Ганеша – в индуизме бог мудрости и благополучия. – *Прим. пер.*

гда не забудет их взглядов, таких выразительных и доброжелательных. Каждый, казалось, хотел доверить ему самое сокровенное. Потому что неизбежность разлуки высвобождает чувства. Потому что люди всегда дожидаются последней возможности, чтобы решиться на признание.

Утром, когда он уезжал, не было ни церемоний прощания, ни сердечных излияний. Все отправились работать, как обычно. Только Шефали исхитрилась остаться в деревне, чтобы попрощаться с Тома. Доктор знал, что она всегда питала к нему слабость. Он надеялся, что после его отъезда она наконец-то выйдет замуж.

Сидя в стареньком внедорожнике, везущем их в аэропорт Шринагара, Даршил, Кишан и Тома не проронили ни слова. Прежде чем выбраться на асфальт, машина долго ехала по разбитым дорогам, зачастую проложенным по склонам гор. Тишину в кабине заполнял стук камней, вылетающих из-под колес и бьющихся об днище кузова. Сквозь запыленные стекла машины, подпрыгивающей на ухабах, Тома смотрел на проплывающие мимо долины. Многие из них он исходил пешком и никогда не думал, что однажды придется их покинуть. Не думал он и о том, что у него может расти дочь. Жизнь любит преподносить сюрпризы.

По мере того как они, покидая горы, углублялись в равнинную местность, растительность становилась обильнее, а дороги – лучше. Километры за окном летели быстрее.

Когда они наконец припарковались перед зданием аэропорта, Кишан взял скромный багаж и пошел вместе с Тома, который выглядел растерянным.

– Пришли свой электронный адрес в офис Красного Креста. Они передадут мне, когда я приеду в следующий раз. Нам обещали провести интернет через несколько месяцев. Я тебе напишу!

В шумной суете зала вылета слова казались приглушенными, далекими. Чтобы Тома посмотрел ему в глаза, Кишану пришлось взять в ладони его лицо.

– Я желаю тебе удачи. Потом расскажешь нам, как все прошло!

Они обменялись еще парой фраз. Ни один из них не знал, как себя вести. Тома все казалось нереальным. Когда прозвучало приглашение на посадку, Даршил тепло с ним попрощался, а Кишан обнял.

Тома не помнил, как оказался в самолете. До него вдруг дошло, что последние слова, которыми он обменялся со своим лучшим другом, были о козьем вымени. Когда самолет взлетел, доктор вспомнил, что не сходил напоследок к реке Нилум и не повидал старика Дарминдера.

Прибыв в аэропорт Дели для пересадки, Тома чувствовал себя все так же странно. Его поразил блестящий мраморный пол. Давненько ему не приходилось видеть такой большой гладкой поверхности, абсолютно ровной, не покрытой ни пылью, ни рытвинами, ни камнями. Чтобы как следует насладиться этой роскошью, в очереди на таможенный контроль он продвигался, не отрывая ног от пола. Впервые за долгое время он не рисковал вывихнуть себе лодыжку при каждом шаге. Подойдя к окошку с отсутствующей улыбкой на лице, он машинально протянул документы – паспорт был изрядно потрепан, а остальные бумаги и вовсе уже начинали распадаться на куски.

Словно заново открывая для себя давно забытый мир, Тома смотрел по сторонам. Он чувствовал, что все изменилось, но не мог понять, как именно. Он никогда не видел столько экранов, да еще таких плоских и непрерывно что-то демонстрирующих. Женщина кружится на месте, и ее невероятная шевелюра развеивается вокруг головы. Мужчина с торсом атлета и соблазнительной улыбкой звонит по телефону без кнопок, размером чуть больше упаковки таблеток. Поток информации, кадры теленовостей вперемешку с кричащей рекламой, яркие краски, бешеный ритм. Этот безумный калейдоскоп быстро утомил Тома настолько, что даже голова разболелась.

Когда он прошел паспортный контроль, его поразило обилие ярко освещенных бутиков, заполненных продававшимися по астрономическим ценам товарами – предназначения многих

он даже не понимал. Ошеломило Тома и количество витрин со всевозможной едой самых невероятных форм. Запасами каждого из этих ларьков жители Амбара могли бы питаться в течение нескольких недель. Даже в туалете он некоторое время заворуженно смотрел, как лампы, висящие на стенах, плавно меняют цвет, проходя через все оттенки радуги.

Тома сел в самолет, примечая все: улыбки и безукоризненные прически стюардесс, сверкающие значки пилотов, легкий стук их красивых ботинок по полу, количество предложенных к просмотру фильмов на маленьких экранах, которыми можно было управлять прикосновением, меню, обилие пищевых отходов, но главное – сиденья, невероятно удобные по сравнению с самодельными деревенскими табуретами. Он чувствовал себя новичком в этом диковинном мире. Слово пребывание в деревне погрузило его в другое измерение, и вся прежняя жизнь оказалась погребена в глубинах памяти...

Во время полета поспать Тома не удалось. Отчасти из-за того, что сосед безостановочно менял фильмы, ни один не досматривая до конца, но прежде всего потому, что он наконец-то оказался один на один с чувством, вызванным появлением в его жизни Эммы. Взрывная волна продолжала бушевать в его душе, заново создавая ее внутренний пейзаж. С самого детства он мечтал приносить пользу ближним. Он осознанно выбрал свою профессию. Тома твердо решил посвятить свою жизнь лечению людей, независимо от их политической и религиозной принадлежности. Это было его кредо, наиболее полно его характеризовавшее. Он чувствовал себя в гармонии с этим образом. И вдруг, совершенно неожиданно, оказался в роли недостойного спутника жизни и пропавшего отца. Тома считал, что контролирует свою жизнь, а между тем важнейшая ее часть развивалась без его ведома. Он никогда не представлял себя в роли отца. Каким отцом он мог бы быть? Каково это – иметь ребенка? Можно ли что-то сделать, если появляешься в его жизни с двадцатилетним опозданием? Ведь все же лучше поздно, чем никогда... И есть ли у нас права на тех, кому мы дали жизнь? Или только обязанности?

Он также думал о Селин, о тех чувствах, которые когда-то испытывал к ней. В памяти ожили воспоминания. Мгновения, взгляды, молчание. Они оказались такими яркими, а он ведь считал, что все забыл. Или ему просто хотелось так думать, чтобы ни о чем не жалеть?

Через несколько часов Тома вернется во Францию, совершенно не представляя, как начинать новую жизнь, о которой еще несколько дней назад он даже не подозревал. Придется действовать по обстановке. Он не успел предупредить о своем неожиданном возвращении никого, кроме Франка, с которым когда-то вместе работал. Но какие бы вопросы Тома себе ни задавал, все ответы зависели от Эммы, даже если она об этом не догадывалась. Ей тоже было не все известно о ее собственной жизни. Возможно, так бывает у многих из нас. Тома возвращался домой – и в то же время в полную неизвестность. Он готовился к прыжку в пустоту, раздираемый чувством вины, желанием, страхом и надеждой. Можно ли быть готовым к чему-то в таком состоянии?

Для начала ему хотелось просто приблизиться к Эмме. С тех пор как Кишан вручил Тома ее фотографии, он носил их с собой и то и дело рассматривал. Он изучил эти снимки до мельчайших деталей. Убийственный взгляд пони, количество пуговиц на костюме пирата, цвет свечей на торте. Он мог с закрытыми глазами описать каждый предмет в руках Эммы и все ее костюмы. Ему не терпелось увидеть ее вживую. Вряд ли он сразу с ней заговорит, но он мог хотя бы на нее смотреть. Ему это было необходимо. Он ни в коем случае не хотел ее беспокоить и врваться в ее жизнь, но был полон решимости подойти как можно ближе.

Самолет приземлился в Париже на рассвете. Тома оказался в зале прилета среди смеющихся и взволнованных людей, бросающихся друг другу на шею. Его никто не встречал. Удивительно, насколько мы становимся уязвимы, когда оказываемся одни. Он пробирался к выходу почти стыдливо, стараясь не привлекать к себе внимания. В выцветшей спортивной сумке на плече уместилась вся его жизнь. Он пересек бесконечное пространство аэровокзала. Здесь тоже было много экранов и огромных плакатов с рекламой парфюма, изображавших женщин с

надменным выражением лица и мужчин с обольстительной улыбкой. Тома двигался как зомби. Судя по взглядам встречных людей, сходство с ожившим мертвецом ему придавала не только походка, но и одежда, поношенная и вышедшая из моды. На Тома была футболка с каракулями Кишана: «Don't follow me, I'm lost» – «Не идите за мной, я заблудился». Друг подарил ему ее потому, что детишки деревни не раз доверчиво увязывались за Тома, а он не мог найти дорогу. В этом аэропорту, хоть и напичканном справочными табло и указателями, эта надпись на футболке была более чем актуальна. Но за Тома больше не шел ни один ребенок. Он уже понял, что ему придется заново учиться жить у себя дома, и, хотя разница во времени с Амбаром составляла всего шесть часов, казалось, что их разделяют несколько световых лет.

Когда ему наконец удалось найти автомат по продаже железнодорожных билетов, он в растерянности застыл перед ним. Мужчина, стоявший за ним в очереди, быстро потерял терпение. Тома набрался смелости и попросил у него помощи, но тот лишь смерил его презрительным взглядом и отошел к другому аппарату. Помочь ему вызвалась девушка. Тома не сводил с нее глаз, не в силах сосредоточиться на объяснениях. Она могла быть его дочерью.

Среди всех этих спешащих, замкнувшихся в себе людей, в окружении непонятных указателей и замысловатых объяснений, это его путешествие вдруг показалось ему неудачной затеей. Настолько неудачной, что по сравнению с ней возвращение в долину Капура пусть даже пешком, по тропе через ущелье, в самый разгар муссона, когда высок риск быть убитым молнией, выглядело не таким уж безрассудным поступком.

3

В Индии Тома привык к перенаселенным городам с запруженными транспортом улицами. Французская столица оказалась совсем иной. При малом количестве велосипедов здесь было множество автомобилей, везущих каждый только одного водителя... И все эти машины словно только что сошли с конвейера, такими они были чистыми! И ни одного перегруженного автомобиля с опасно торчащими во все стороны тюками, ни набитых людьми кабин, ни единого человека на крыше автобуса. Перед трехцветными светофорами машины терпеливо ждали своей очереди. Трогуары были четко отделены от проезжей части. На них почти не было детей и стариков, зато можно было наблюдать толпы блекло одетых людей, не отрывающих взгляда от мобильных телефонов. Они шли вперед, не замечая ничего вокруг, не обращая внимания даже на величественные здания, заслоняющие горизонт и скрывающие солнце.

В итоге Тома заблудился и пришел к ресторану с опозданием. Он спросил у официанта, ждет ли его кто-нибудь. Тот сделал неопределенный жест в сторону столика, стоявшего в глубине. Пересекая зал, Тома отметил про себя, что кухня здесь не отличается особыми ароматами, зато люди просто благоухают парфюмом. Возможно, тем самым, который он видел на рекламных плакатах.

Заметив его приближение, крепкий мужчина поднялся и с улыбкой протянул ему руку.

– Месье Селлак! Наконец-то. Честно говоря, я был уверен, что больше никогда тебя не увижу.

Тома уже отвык слышать свою фамилию. Франк слегка изменился. Они познакомились в Анголе, где его бывший коллега занимался материально-техническим обеспечением гуманитарных миссий.

Сев за столик, мужчины некоторое время разглядывали друг друга, даже не пытаясь этого скрыть. Оба, похоже, считали такой осмотр нормальным делом, ведь прошло столько лет. Взгляд Франка остался таким же, ясным и прямым, а вот все остальное немного расплылось. Красивая рубашка в области живота натянулась. Виски заметно окрасились сединой. Запястье украшали массивные часы.

Контраст между ними был разителен. Рядом с Франком доктор выглядел еще более худым, и его кожа, казавшаяся такой бледной в Индии, здесь выглядела смуглой и обветренной. Тома, наверное, был одет хуже всех в ресторане, – наверняка даже хуже всех в квартале, – и стекло его наручных часов покрывали трещины и царапины.

– Когда мы с тобой в последний раз виделись? – спросил Франк. – Десять лет назад, во время землетрясения на Суматре?

– Почти двенадцать. Поздравляю с повышением. Ты его заслужил. Как жена, дети? Они, наверное, уже совсем взрослые.

– С детьми все в порядке, а вот от семьи остались только алименты.

– Жаль.

– Такова жизнь. Не знаю, как тебе удалось так долго продержаться в Индии. После Африки я решил завязать.

Тома наклонился к Франку и тихо спросил:

– Когда ты вернулся домой, у тебя не было ощущения, что ты попал в чужую страну, возможно даже к психам?

– Еще как было. Они все выглядели дебилами с этими своими распродажами, телевидением и ничтожными проблемами. Еще вчера ты боролся за каплю воды, а сегодня смотришь, как люди устраивают забастовку из-за обеденных талонов... Я чувствовал себя инопланетянином! Попавшим в совершенно другую реальность! Учитывая, как сильно продвинулась наша милая цивилизация с момента моего возвращения, могу себе представить степень твоего шока.

Но не волнуйся, это пройдет. Сейчас моя новая жена ищет скидки в магазинах, я смотрю матчи по телику, и у нас куча ничтожных проблем. Что побудило тебя вернуться?

Тома замялся:

– Давно, перед тем как уехать, я любил девушку. Ее звали Селин. Мы отлично ладили, но мне пришлось ее оставить, чтобы отправиться в свою первую командировку.

– И тебе захотелось ее увидеть?

– Не настолько, чтобы вернуться. Но она... родила от меня дочь. Я узнал об этом совсем недавно. И решил вернуться.

– Вот это сюрприз... И сколько лет малышке?

– Она уже не совсем малышка – ей почти двадцать.

– Как она отреагировала на твое появление?

– Я ее еще не видел. Впрочем, она может ничего не знать о моем существовании. В лучшем случае меня для нее просто нет, в худшем – я негодяй, бросивший их с матерью.

Подошел официант, чтобы принять заказ.

– Вы уже что-то выбрали?

Франк ответил без раздумий:

– Тартар, и побольше каперсов, пожалуйста.

Тома даже не стал открывать меню.

– Мне то же самое.

– Что будете пить?

– Бутылку вашего лучшего кагора, – попросил Франк.

– Будет сделано!

Тома засмеялся:

– Я уже лет восемь не ел ни каперсов, ни сырого мяса, тем более запивая это кагором...

Франк слегка улыбнулся и перешел к главной теме их встречи:

– Что до твоей просьбы, то у меня не очень хорошие новости. Можешь мне поверить, я искал, звонил по всем телефонам в своей записной книжке, но таких вакансий очень мало, особенно в медицинской сфере. Почему бы тебе не пойти работать в частную клинику? Твой опыт там высоко оценят. К тому же есть спрос...

– Ты не нашел ничего в моем районе?

– Ничего достойного. И потом, я бы не советовал тебе хоронить себя в такой глуши. Даже если ты вернулся ради дочери, ты должен подумать о своем будущем. Медицина сильно изменилась с момента твоего отъезда. В этой области тоже одержали верх управленцы...

– Понимаю. Скидки, матчи по телику и ничтожные проблемы...

– Я не шучу, дружище.

– Что ты конкретно подразумеваешь под «ничего достойного»?

– Честно говоря, тут даже обсуждать нечего. Давай-ка я лучше устрою тебе встречу с одним своим приятелем из министерства, у него большой круг знакомств.

– Место, на которое ты не советуешь мне устраиваться, хотя бы находится в нужном мне районе?

– Как будто да, но послушай...

– Тогда оно мне подходит.

– Ты даже не знаешь, о чем идет речь!

– Для меня сейчас местоположение важнее самой работы.

– Я даже не стал с собой брать распечатку, настолько это не заслуживает внимания. Кажется, это какой-то дом престарелых, совсем крошечный. Ты сдохнешь от тоски.

– Если он находится там, где мне нужно, меня это устроит.

Франк, продолжая ворчать, достал свой телефон. Через несколько секунд он вывел на экран описание вакансии и показал ее Тома.

- Сам посмотри. Но прошу, не будь идиотом, ты можешь найти место гораздо лучше...
- «Срочно требуется на постоянную работу директор дома престарелых на шесть человек. Персонал внештатный. Предоставляется большая служебная квартира».
- Можно ли как-то проверить, где это находится?
- Кликни на значок справа.
- Увидев результат, Тома не раздумывал ни секунды.
- Это идеально, Франк. Спасибо тебе большое. Ты даже не представляешь, как помог мне.
- Когда ты поймешь свою ошибку, дай мне знать. Провести столько лет в боевых условиях, чтобы оказаться в какой-то дыре... Да что ты там делать-то будешь?
- Проверять, есть ли еще у судьбы на меня хоть какие-то планы.

4

Последним, кто стриг Тома, был старый Мариш, страдавший близорукостью и диагностированной у него Тома разновидностью болезни Паркинсона. У Мариша сильно тряслись руки, но он считал своим долгом «сделать прическу» доктору в знак благодарности за лечение. Работал он старыми ржавыми ножницами, которые использовал в хозяйстве. Результат сильно развеселил Кишана, и он посоветовал Тома подровнять волосы огнем.

Утром при выходе с вокзала Тома зашел в первую попавшуюся парикмахерскую, витрина которой гордо гласила: «Визажист и парикмахер высшего класса». Он измучился, слушая причитания мастера об ужасном состоянии его волос и проклятия в адрес того, кто его так изуродовал, – и все это за эквивалент годовой зарплаты индийского рабочего.

Несколько дней назад начались занятия в школах, и в своей новой одежде – джинсах, ботинках, свитере и куртке – Тома чувствовал себя похожим на школьников, которые попадались ему на пути. Непривычное облачение вызывало у него дискомфорт, что делало его походку довольно причудливой. Разглядывая детей, Тома заметил, что самые юные сгибались под тяжестью битком набитых ранцев, шириной существенно превосходящих детские плечи, тогда как старшеклассники с волосами дыбом – очевидно, зафиксированными при помощи каких-то гелей – несли за спиной маленькие рюкзаки, зачастую исписанные непонятными надписями. Складывалось впечатление, что чем меньше дети могли нести, тем больше их нагружали.

Довольно быстро отыскав улицу Свободы, Тома вздохнул с облегчением. Но затем увидел, что перед ним дом номер 27, тогда как ему нужен номер 371, и без промедления двинулся в дальнейший путь.

Улица тянулась на запад, постепенно удаляясь от центра и уводя за пределы города, мимо частных домов, вдоль стадиона, огибая складские помещения, оптовые магазины и автомастерские. Доктор с удивлением обнаружил, что многие бывшие заводы переоборудованы в комплексы складов для индивидуального хранения личных вещей. Видимо, этот мир действительно переполнен материальными благами, раз людям приходится арендовать отдельные помещения для их хранения.

Чем дальше шел Тома, тем пустыннее становилось вокруг. Ни единой живой души, если не считать бездомной собаки. Ветер гнал по безлюдной улице старую картонную коробку.

«Своим ходом пожилым людям отсюда ни за что не выбраться...» – подумал он.

Вдалеке, над крышами промышленных зданий, на горизонте вырисовывались поросшие лесом холмы, но они были так непохожи на суровые обрывистые горы индийского округа Купвара.

Когда Тома наконец дошел до дома 371, его охватило сомнение. Он сверился с адресом в своих документах. То, что здание располагалось между автомобильным гаражом со сваленной рядом грудой хлама и явно заброшенным заводом, было не самым удивительным. Больше всего Тома поразили жизнерадостные цвета, в которые был окрашен дом престарелых, и огромный улыбающийся медвежонок, нарисованный на фасаде. Вид и оформление здания показались ему неуместными. Тома подошел к главному входу и позвонил. Дверь сразу открыла женщина. На вид она была моложе его, довольно привлекательная. Любезная улыбка плохо скрывала настороженность в ее глазах.

– Добрый день, месье.

– Здравствуйте, я Тома Селлак, новый директор.

– Добро пожаловать, я Полин Шоплен, здешняя медсестра.

Молодая женщина бросила взгляд на улицу и спросила:

– А где же ваша машина?

- Я пришел пешком.
- Из центра?
- Да.
- Вам следовало позвонить, я бы приехала за вами. Ведь это так далеко...
- У меня нет мобильного телефона.

Мадемуазель Шоплен не могла скрыть своего удивления. Стоявший перед ней мужчина, в новой куртке с еще не оторванной биркой на рукаве, явно был с приветом. А может, и вовсе серийным убийцей, намеревающимся взять в заложники ее и всех постояльцев дома престарелых.

- Входите, прошу вас, – тем не менее вежливо сказала она.
- Я знаю, что прибыл на два часа раньше, но я подумал, что мой предшественник, возможно, будет рад быстрее сдать дела.
- Это очень любезно с вашей стороны, но он уехал еще в прошлом месяце, как только закончился срок его отработки.
- Но как же...
- Да, мы остались одни. И знаете что? Мы выжили. Честно говоря, я не ожидала, что ему так быстро найдут замену.

Войдя в холл, Тома застыл на месте. Все вокруг было разрисовано медвежатами с разноцветными воздушными шариками в лапах, танцующими зайчиками, цветочками и смайликами. От пола до потолка. В сравнении с этим буйством красок однотонными и унылыми могли показаться даже улицы Бомбея.

Полин Шоплен обеспокоенно спросила:

- Надеюсь, у вас нет аллергии на детский декор?
- Прежде не сталкивался ни с чем подобным. Вы все это нарисовали, потому что принято считать, что пожилые люди впадают в детство?
- Нам просто досталось помещение бывших яслей соседнего завода, когда он закрылся. Вначале хочется надеть солнцезащитные очки, чтобы не стать дальтоником, но со временем привыкаешь. И потом, ясли действительно немногим отличаются от дома престарелых. И там и там обитатели спят после обеда и часто ходят в памперсах!

Медсестра рассмеялась, но, заметив, что ее новый шеф не улыбается, мигом посерьезнела.

- Пойдемте, я покажу вам ваш кабинет. Служебная квартира наверху. У вас с собой только эта сумка?
- Да.

Снова почувствовав удивление собеседницы, Тома поспешил добавить:

- Остальное доставят позже.

В кабинете Тома обнаружил стопку лежащих на видном месте папок, два шкафа, заполненные архивными документами, а на пробковой доске, занимавшей пол-стены, внушительную коллекцию служебных записок. Он сразу же заметил компьютер и принтер. Они ему будут нужны.

- Компьютер подключен к интернету?

Медсестра несколько опешила от такого вопроса, но кивнула, не подав виду. Просмотрев несколько записок, доктор пришел в недоумение: к чему этот формализм и перевод бумаги?

- Ваш предшественник был большим любителем бумажек, – пояснила молодая женщина. – Он писал их по любому поводу...
- Вижу. У такой патологии имеется свое название...
- Возможно, он был хорошим управляющим. Но в человеческом плане... Проработав здесь три года, он все еще путал имена постояльцев.
- Их ведь всего шестеро?

– Уже пятеро. Мадам Берза покинула нас – тихо, во сне. Так что на сегодняшний день здесь проживают три женщины и двое мужчин. В возрасте от семидесяти одного до восьмидесяти восьми лет. Могу я вам задать один вопрос?

Тома уже отвык от того, чтобы женщина так открыто смотрела ему в глаза. Смутившись, он склонился над служебной запиской о замене жидкого мыла в дозаторах.

– Пожалуйста.

– Почему вы выбрали это место?

– Тут недалеко живет моя семья.

Чтобы избежать дальнейших расспросов, Тома сделал вид, что заинтересовался документом о количестве выдаваемого хлеба.

– Кто занимается питанием?

– Муниципалитет доставляет обеды и ужины два раза в день. Но завтрак готовлю я.

– Кто-нибудь из постояльцев нуждается в особом уходе?

– Они все относительно самостоятельны. Трое из них находятся под медицинским наблюдением. Я покажу вам их карты, если пожелаете. Вы первый, кто справляется об их здоровье...

– Я, возможно, плохой управляющий, но по образованию я врач.

– Какого профиля?

– Лечение всех нуждающихся в горячих точках и на краю света.

Женщина рассмеялась – во второй раз, с тех пор как Тома приехал, и ему уже нравилась непосредственность и энергичность этой его коллеги.

– Ну что ж, доктор, давайте продолжим знакомство с нашим заведением?

5

По жилищным меркам деревни Амбар в служебной квартире Тома вполне могли разместиться Кишан, его жена, трое детей, его родители, родители жены и даже их дяди. Тома окинул быстрым взглядом свое новое жилье и бросил сумку при входе.

– Постояльцы никогда не поднимаются на этот этаж. Вы можете чувствовать себя здесь как дома. Отсюда можно даже напрямую выйти на улицу, если пожелаете, по лестнице в конце коридора.

– А там что находится?

– Вторая квартира, поменьше. Мы используем ее под склад, храним в ней мебель. То, что осталось от яслей.

– Здесь довольно уютно.

– Правда? Ваш предшественник считал этот дом слишком тесным и слишком старым... Все начиналось как экспериментальный проект под управлением фонда социального страхования и муниципалитета. Когда завод закрылся, город выкупил здание яслей. Идея была хорошей: поселить небольшое количество стариков в обстановке, приближенной к домашней. Фонд постепенно снял с себя все обязательства, и постояльцам пришлось самим раскошелиться.

Тома подошел к одному из окон, выходящему во двор, и удивился открывшемуся его взгляду пространству.

– Это что, сад?

– Бывший фруктовый сад, он тянется до самой речки Ренонс, – вон она виднеется, возле большой ивы. Говорят, в ней водится много форели. Я вас туда отведу, если захотите.

– Почему бы нет? Вы давно здесь работаете?

– С самого открытия, чуть больше трех лет. Раньше я работала в больнице, но график и атмосфера стали очень напряженными. А мне нужно заботиться о моем сынишке. Когда его отец ушел от нас, я решила перейти сюда.

Еще два месяца назад Тома спокойно выслушал бы историю об отце, оставившем жену и ребенка, – такое случается сплошь и рядом. Сегодня он воспринимал все иначе.

– Сколько лет вашему сыну?

– Скоро будет восемь.

По привычке Тома чуть было не спросил, здоров ли мальчик, но сдержался. Он продолжил:

– Постояльцы в курсе, что у них теперь будет новый директор?

– Шутите? Еще как в курсе! Они наверняка следили за вами, когда вы сюда входили. Вы увидите, порой они напоминают детей, и мне это очень нравится.

– Следили за мной? Серьезно?

– Конечно. Если говорить начистоту, они недолюбливали вашего предшественника. Прошлой зимой месть Ланзак подхватил грипп. Так он вставал с постели специально для того, чтобы заразить директора. И в конце концов ему это удалось!

– Очень мило. А что думаете о бывшем директоре вы?

– Я могу быть откровенной?

– Это будет хорошим фундаментом для наших дальнейших отношений.

Что-то неуловимо изменилось в лице молодой женщины.

– Он был не слишком...

Она замялась, затем, увидев, что Тома ждет ее ответа, быстро произнесла:

– Это был мелкий бюрократ-карьерист, которому не место в социальной сфере. Этот тип всегда заботился только о себе.

Выдав свой вердикт, Полин приняла прежний приветливый вид.

– Пойдемте вниз, я представлю вас нашим постояльцам.

6

Полин Шоплен повела доктора в сторону гостиной. Стены были расписаны разноцветными полосками и маленькими пухлыми зверушками – зрелище, спору нет, восхитительное, если вам меньше пяти. Медсестра приложила палец к губам с видом девочки, готовящей сюрприз. Немного повысив голос, она спросила:

– А сейчас, месье директор, не хотите ли вы познакомиться с нашими постояльцами?

Тома удивленно посмотрел на нее. Она тихо пояснила: – Сейчас вам следует ответить «с удовольствием» или «не возражаю».

Он кивнул и громко произнес важным голосом:

– Не возражаю!

Медсестра знаком предложила ему прислушаться. Раздался звук одной открываемой двери, затем другой – и вот появился первый силуэт. Мелкими семенящими шагами к ним приближалась маленькая сторбленная старушка с белоснежными волосами. Она пересекла порог гостиной, словно спортсмен, преодолевающий финишную прямую в замедленной съемке, не сводя взгляда с нового директора. Глаза у нее были светлые и гораздо более бойкие, чем тело. Старушка протянула Тома руку:

– Здравствуйтесь, месье, меня зовут Франсуаза Кенон. Знаете, сегодня ночью я просыпалась в 2 часа 22 минуты, потом в 4 часа 44 минуты и 5 часов 55 минут, а вы приехали в 9 часов 09 минут...

Второй постоялец подошел так быстро, как может ходить старый человек, и, обойдя старушку, энергично пожал руку доктору.

– Франсис Ланзак. Мои друзья называют меня Полковником. Не обращайтесь на нее внимания, доктор, она чокнутая. Ей везде мерещатся сверхъестественные знаки. Не удивлюсь, если из этой истории с часами она выведет, что вы антихрист и пришли похитить наши души и съесть наше лимонное печенье.

Маленькая старушка запротестовала:

– Помолчи, Франсис, я первая подошла. И он не антихрист!

– Ну а кто же он по твоей дурацкой часовой теории? Реинкарнация радиобудильника?

Опираясь на трость, к ним с важным видом приближался еще один джентльмен в сопровождении двух дам. Вскоре Тома оказался окружен маленькой толпой постояльцев, которые вели себя словно ребятишки в детском саду вокруг Деда Мороза. Возможно, идея разместить их в яслях была не такой уж безумной.

– Совсем молоденький, и какие плечи... – произнесла дама с прекрасно уложенными волосами голубоватого цвета.

– И гораздо симпатичнее нашего предыдущего директора, – согласилась третья женщина.

– В общем, побеждает по очкам с большим разрывом, – хмыкнул Франсис.

Джентльмен с тростью приблизился и церемонно склонился перед доктором:

– Приветствую вас, месье. У меня сын вашего возраста. Он приезжает меня проводить раз в год вместе со своей женой, которая, к слову сказать, всякий раз новая. Либо это я ее просто не узнаю.

Медсестра решила вмешаться:

– Дайте вздохнуть месье директору. Если никто не возражает, я заварю чаю, мы посидим за столом, и каждый расскажет о себе.

– Чаю? Я снова буду бегать по-маленькому всю ночь! – воскликнула Шанталь, дама с голубой прической.

– Если к чаю будет лимонное печенье, Жан-Мишель не должен их сегодня брать, потому что съел вчера целых два! – возразила Элен, третья женщина.

Опираясь на трость, словно аристократ, позирующий художнику, обвиняемый наклонился к доктору:

– А нельзя ли договориться, что с вашим появлением здесь счетчик обнуляется? Нечто вроде амнистии. Так я смогу отведать печенья.

– Оно что, такое вкусное?

Пятеро пожилых людей дружно улыбнулись.

– Его печет Полин, – уточнил Франсис. – Только из-за него мы еще не сбежали отсюда!

– Что ж, я его пока не пробовал и не могу знать, что теряю, поэтому сегодня отдаю вам свое печенье.

– Это очень любезно с вашей стороны, но не дает Жан-Мишелю права есть больше нас! – возразила Шанталь.

7

Тома и раньше доводилось подвергаться пристальному осмотру, в частности со стороны детворы Амбара, когда он был новичком в деревне. Именно поэтому одной из первых фраз, которую он выучил на хинди, была: «У тебя ширинка расстегнута». Взрослые вели себя более сдержанно, но ребятишки без всякого стеснения подходили вплотную и придирчиво разглядывали его с ног до головы. Вот и сейчас происходило то же самое.

Полин начала представлять их друг другу:

– Это Франсуаза, наша младшая... Франсис ее перебил: – ...с дуба упавшая! Умоляю, давайте не будем устраивать тут оглашение каталога стариков и старух и их болячек. Он все это прочитает в наших картах. А вот мы о нем ничего не знаем. Ну что, месье, можем мы задать вам несколько вопросов?

– Пожалуйста.

Шанталь начала первой:

– У вас странный загар, где вы отдыхали?

– Я не отдыхал, а работал – в Индии.

– И в чем заключалась ваша работа?

– Я лечил людей. Я врач.

Франсис широко раскрыл глаза:

– Вы жили с индийцами?

– Восемь лет.

– В резервации? – спросила Шанталь. – У вас был лук, и вы охотились на бизонов?

– Я жил не у индейцев в Америке, а у индийцев в Индии. В стране индийских слонов.

– И чего это вам понадобилось жить восемь лет с индийскими слонами? – удивилась

Элен.

– Я упомянул индийских слонов только для того, чтобы помочь вам сориентироваться.

Я жил в отдаленном уголке Кашмира, вблизи пакистанской границы.

– Наверное, кашемировые свитера там намного дешевле...

– А кошек вы пробовали? – поинтересовалась Шанталь.

– В Индии не едят кошек.

– Это эскимосы их лопают! – воскликнул Жан-Мишель.

– Эскимосы тоже не едят кошек, – уточнил доктор. Он встретился взглядом с Полин, которую явно забавлял ход беседы. Элен спросила:

– Вы ведь не запретите Тео к нам приходить?

– Кто такой Тео?

– Сын Полин. Он такой славный, мы помогаем ему делать уроки, а он играет с нами.

Медсестра, немного смутившись, добавила:

– Бывший директор разрешал мне брать его с собой, поскольку так я могла оставаться здесь подольше...

– Если всех это устраивает, не вижу причин для запрета.

Франсис внезапно спросил:

– Вы когда-нибудь занимались сексом втроем?

Все четыре женщины принялись бурно возмущаться, а Жан-Мишель со вздохом закатил глаза.

– Не сердитесь на него, месье директор, он просто бесцеремонный!

– Как индийские слоны, среди которых вы прожили восемь лет, – уточнила Элен.

– Доктор, не отвечайте, это никого не касается! Это ваше личное дело, чем вы там занимались с индейцами в их вигвамах.

И когда все дружно принялись нести такой бред, что запуталась даже Полин, Франсуаза невозмутимо спросила:

– Доктор, а дети у вас есть?

8

Странный первый вечер. Как только подносы с едой были доставлены и распределены, Полин ушла домой. Заперев за медсестрой входную дверь, Тома внезапно почувствовал себя по-настоящему одиноким. Он уже не помнил, когда в последний раз это гадкое чувство охватывало его с такой силой.

Постояльцы сидели по своим комнатам – и выйдут из них лишь на следующее утро, к завтраку. Тома ходил взад-вперед по коридору первого этажа, прислушиваясь к тому, что происходило за закрытыми дверями. Жан-Мишель смотрел телевизионную игру, пытаясь угадать и выкрикнуть правильные ответы быстрее участников. Ритм игры задавали различные звуковые эффекты – колокольчик, клаксон и свисток, и все это тонуло в аплодисментах, слишком бурных, чтобы быть искренними. Тома даже не понимал вопросов, касавшихся в основном известных людей, о которых он никогда не слышал. Элен разговаривала сама с собой. Она смеялась, что-то шептала. Порой даже казалось, что она что-то замышляет. Франсис переключал телевизор с одного американского сериала на другой, под грохочущую музыку. Результат получался странный. Складывалось ощущение, что солдат элитных войск безостановочно стрелял, чтобы помочь женщине родить, в то время как она выносила приговор в деле о супружеской измене между волшебным дельфином и холодильником, набитым кокаином. Разобраться, кто положительный герой, а кто отрицательный, было невозможно... Шанталь смотрела конкурс песен и с энтузиазмом распевала шлягеры вместе с конкурсантами. Занять первое место ей вряд ли удалось бы. Мало того что она фальшивила, так еще не знала слов и плохо владела английским. И, судя по всему, одновременно с пением ела йогурт. Из комнаты Франсуазы на другом конце коридора не доносилось ни звука. Должно быть, она уже спала.

Тома на цыпочках поднялся вверх и вошел к себе. «К себе» – понятие относительное для того, кто столько раз менял место жительства, да и здесь находился, в общем-то, не по своему выбору. Тома разложил вещи по квартире, но их было так мало, что в огромном пространстве, которое выделили доктору, они казались затерянными. Кстати сказать, еще неделю назад все его имущество помещалось на одной полке, а вся одежда – на нескольких вешалках, висевших на натянутой веревке. По иронии судьбы единственным предметом, сохранившимся у него после всех переездов, была серая готовальня, которую он когда-то позаимствовал у Селин, да так и не вернул. Он складывал туда свои ручки. Это было все, что сохранилось от его единственного серьезного романа. Набор инструментов, даже не медицинских. И дочь.

Он прошелся по комнатам, остановился перед плакатом с изображением швейцарского замка, оставшимся от его предшественника. Здесь были также следы от рамок со стеклами, но все они были сняты. Судя по всему, у бывшего директора были фотографии. Возможно, его семьи, жены, детей или друзей. Воспоминания. Тома было нечего повесить на стену. Он мог лишь рассказать кому-нибудь о своей жизни, но в этот вечер не было никого, кто мог бы его выслушать. У сестры наверняка остались их давние снимки, но она с ним больше не общалась. Она так и не простила ему, что он не приехал на похороны родителей, погибших в автомобильной аварии десять лет назад. Она отказывалась верить, что отправленные ею сообщения были доставлены адресату с двухмесячным опозданием. Однако это было правдой.

Тома мог бы повесить на стену фотографии Эммы, но слишком дорожил этими листочками, чтобы портить их дырочками от кнопок или липкими следами от скотча. И потом, их могла увидеть Полин, которая тут же принялась бы его расспрашивать.

Он сел перед подносом с остывшей едой. Маленькие прямоугольные порции, лежащие в своих лоточках. По виду не поймешь, что это. Соус наверняка дозировался автоматом. Первое, второе, десерт, кусочек хлеба, крошечная бутылочка вина и бутылка воды. Все это совершенно не вызывало аппетита. Больше всего на свете Тома хотелось бы сейчас сидеть на неудобном

стуле напротив Кишана, поедая стряпню его жены, состав которой он никогда не мог угадать, равно как и выговорить название. Зачем он покинул единственное место, в котором чувствовал себя дома? Какой была бы сейчас его жизнь, если бы мимолетная встреча не отправила его в прошлое, к ребенку, которого он произвел на свет, даже не подозревая об этом? Нечего заниматься гаданием. В этот вечер ему нужно было кое-что проверить.

9

Когда Тома вышел из дома престарелых, было уже темно. В этот час жители деревни Амбар спят, а вокруг курятников и загонов с козами рыскают дикие собаки.

Здесь люди только возвращались домой к ужину. Некоторые несли свежий хлеб. По его количеству можно было догадаться, сколько людей будет сидеть за столом. Одна женщина несла три багета, пожилой мужчина держал всего половину, а молодой парень уже откусывал теплую горбушку. Столько разных жизней.

Выйдя из автобуса, который привез его в нужный район, Тома втянул носом воздух. Здесь в воздухе не было пыли, зато стоял одуряющий запах выхлопных газов. Доктор остановился возле десятиэтажной башни, у подъезда которой собралась молодежь. Они смотрели на него точно так же, как жители далеких деревень, когда замечали на своих землях чужака.

Если он правильно понял план квартала, ему следовало сначала пройти мимо всех этих многоэтажек, чтобы попасть на окраину.

Благодаря интернету в служебном компьютере ему понадобилось совсем немного времени, чтобы уточнить адрес своей бывшей девушки. Тома просто поразило, насколько легко теперь можно было отыскать любую личную информацию о ком угодно. Поисковики и социальные сети, набитые фотографиями и персональными данными, делали жизнь людей все менее приватной. Не прошло и часа, как он, при всей своей некомпетентности, выяснил, что Селин вышла замуж спустя шесть лет после его отъезда, что свадебное платье у нее было сногшибательное и что она действительно проживает по тому адресу, который назвал ему Кишан. Сколько времени Селин встречалась с мужчиной, который стал ее мужем? Неизвестно. Успела ли Эмма осознать, что растет без отца, или же этот мужчина был с ней с самого раннего детства? Тома этого не знал. Зато он разузнал, что Эмма учится на втором курсе местного медицинского училища.

Миновав многоэтажки и перейдя через широкий проспект, Тома попал в совершенно другую атмосферу. Маленькие улочки, отдельно стоящие дома, порой старые, как тот, в котором он вырос. Огороженные сады, в основном по две машины на дорожках, отблески включенных телевизоров. За окнами движущиеся силуэты. Некоторые семьи уже собрались за столом. Во многих домах Тома видел детей, сидящих за уроками.

Он продолжил свой путь, сверяясь с планом и украдкой наблюдая за жизнью, которую мог бы вести сам, если бы не решил уехать. А ведь эти люди, обрывки чьего повседневного существования он сейчас видит, возможно, тоже немало пережили до того, как оказались здесь.

Когда Тома добрался до нужной улицы, у него перехватило дыхание. Идея прийти сюда и посмотреть, где она живет с дочерью, внезапно показалась ему неуместной. Он толком не знал, что ожидал здесь увидеть, но чувства, которые ему предстояло пережить, уже начинали вырисовываться. Он видел, как они приближаются издали, словно грозные всадники, размахивающие саблями. Он начал опасаться за свой рассудок. Но о том, чтобы уйти, не могло быть и речи. Возможно, Эмма будет дома. Тома очень на это надеялся. Может, ему удастся разглядеть ее, как разглядел он в доме на соседней улице девушку, танцевавшую в своей комнате в наушниках?

Он чувствовал себя непрошеным гостем, извращенцем из тех, что тайно подглядывают за людьми. Однако именно ради этих мгновений он и решил покинуть Амбар. Он приближался к нужному дому, и цифры на заборах напоминали обратный отсчет. Привыкший много ходить Тома вдруг стал задыхаться. Номер 17. Селин и Эмма жили в доме номер 23. Может, это вон та большая постройка с красивым балконом? Когда он прошел мимо дома 19, на забор с лаем бросилась собака. Тома отскочил к середине проезжей части, которая, к счастью, была пуста. Если бы деревенские дети могли его сейчас видеть, то от души бы посмеялись. Он представил

себе другую сцену. Что, если бы его сбила машина? Селин, привлеченная шумом, выбежала бы на улицу и обнаружила на дороге его безжизненное тело. Узнала бы она его? Эмма вышла бы вслед за ней? Сказала бы Селин дочери, кто лежит перед ними?

Тома попытался взять себя в руки. Он даже не заметил, как очутился перед нужным домом. Это было не современное строение, а скромный одноэтажный домик с подземным гаражом. На почтовом ящике красовалась надпись: «Мадам и месье Лавернь и их дети». Селин и Эмма носили другую фамилию, потому что он не сумел подарить им свою. «Их дети». Значит, у Эммы есть братья и сестры? В состоянии крайнего возбуждения Тома разглядывал дом. В двух комнатах горел свет. За достаточно тонкой тюлевой занавеской угадывалась гостиная, в которой стоял секционный книжный шкаф и огромное тропическое растение с широкими листьями. Тома вспомнил, что Селин всегда питала слабость к пальмам. На кухне были видны только высокие шкафы. Внезапно входная дверь открылась, и из дома вышел мужчина довольно высокого роста. Обернувшись, он крикнул кому-то внутри: «Я этим займусь!»

Тома, сделав вид, что прогуливается, медленно пошел дальше. Услышав сзади шум, он незаметно обернулся и увидел мужчину, – по всей видимости, месье Лаверня, – который катил контейнер с мусором к тротуару. Как только тот вернулся в дом, Тома повернул обратно. Чтобы не привлекать к себе внимания, он старался не стоять на месте, а ходить взад-вперед. С тротуара напротив обзор оказался лучше. Он различил два силуэта. Один принадлежал тому же месье, а второй был пониже, с вьющимися волосами. Селин. Волосы были короче, чем он помнил, но это, несомненно, была она. Он узнал ее по энергичным, порывистым движениям. Тома ходил и ходил туда-сюда, стараясь не приближаться к домам с собаками. Всякий раз он подмечал что-то новое. Наблюдений было так много, что осмыслить их прямо сейчас было невозможно. Он просто пытался все запомнить. Никаких признаков Эммы или других детей. Селин была на кухне. Если бы он тогда не уехал, если бы не решил все бросить ради лечения забытых Богом людей, это он вывез бы контейнер с мусором. А потом подошел бы к Селин сзади, чтобы обнять ее, как это делал сейчас месье Лавернь.

В памяти возник их последний серьезный разговор. Селин посоветовала ему закончить обучение во Франции. Был ли это просто совет или просьба, которой он не услышал? Он ответил, что принесет больше пользы в Африке, на Ближнем Востоке или где-нибудь еще и что он подтвердит свой диплом при первой же возможности. Помогать людям в беде для него было важнее возможности спокойно доучиться. Кажется, именно в тот день он взял у нее готовальню, которой пользовался до сих пор. Знала ли она тогда, что ждет от него ребенка?

Наблюдая за единственной женщиной, которая что-то значила в его жизни, Тома на время забыл о собаках и соседях. Он смотрел на нее не отрываясь. Она хлопотала на кухне, готовила, открывала шкафчики, ставила на стол тарелку или кастрюлю. Она была здесь, всего в нескольких десятках метров от него, на расстоянии голоса, даже не подозревая о его присутствии. Тома искренне надеялся, что она смогла пережить его отъезд и найти свое счастье. Глядя на нее в этот вечер, можно было подумать, что ей это удалось, что у нее все благополучно. Но опыт научил Тома, что за внешней видимостью может прятаться боль длиною в жизнь. В каждой женщине, каждом мужчине скрыта история, о которой невозможно догадаться с первого взгляда. Селин была матерью и женой. Похоже, счастливой в браке. Но что ей пришлось пережить, чтобы выкарабкаться? Тома чувствовал себя одиноким, потерянным, виноватым. Он боялся, что его загрызут собаки, но по-настоящему в данный момент его грызла совесть.

10

– У вас усталый вид. Видимо, сказалась смена часовых поясов. Может, перенесем последнюю беседу на завтра?

– Нет, Полин, вы очень любезны, но я все же закончу сегодня. Мадам Тремельо не поймет, почему ее единственную не приняли.

– Тогда я схожу за ней.

Тома решил встретиться с каждым постояльцем наедине. Чтобы никого не обидеть, он вызывал их в алфавитном порядке. Все как один сказали самые добрые слова в адрес мадемуазель Шоплен и плохо отзывались о бывшем директоре. Каждый выдал маленькие секреты других постояльцев. Так доктор узнал, что Жан-Мишель обожает сладкое, что красиво уложенные волосы Шанталь – всего лишь парик, что Франсис занимается чем-то незаконным и опасным в саду, что Франсуаза верит в духов, а Элен съедает все до последней крошки, но весит при этом очень мало.

Доктор встал, чтобы встретить свою последнюю на сегодня собеседницу.

– Входите, мадам Тремельо. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Вы можете называть меня Элен, если хотите.

– Тогда называйте меня Тома.

Старушка очень мило рассмеялась, словно юная девушка. Тома произвел небольшую перестановку мебели вокруг своего стола. Теперь в его директорском кресле сидели посетители, а сам он взял себе стул. Усаживаясь, мадам Тремельо огляделась вокруг, как любопытный ребенок.

– Знаете, я была здесь всего один раз.

– Отныне вы можете приходить сюда, когда пожелаете.

Она снова рассмеялась своим прелестным смехом. Тома отметил, что она красиво оделась и причесалась для их встречи.

– Итак, мадам Тремельо...

– Элен.

– Простите. Элен. Расскажите мне, как вы себя чувствуете.

– Знаете, доктор, грех жаловаться. Я излечилась от рака груди. Меня, конечно, мучает ревматизм, но это терпимо. У меня хороший аппетит, я прекрасно слышу и вижу. Не то что бедняжка Франсуаза, которая слышит не пойми что, или Жан-Мишель, который видит не дальше своей трости. Конфеты, которые он глотает целыми днями, ему явно не помогают.

Пожилая женщина внезапно заинтересовалась стоявшей на столе маленькой ракетой, сооруженной из пластиковой бутылки.

– Какая любопытная вещица. Это вы сами сделали?

– Нет, это подарок индийских детей из деревни, где я жил.

Элен явно ждала, что он разрешит ее потрогать, но доктор продолжил:

– Полин сказала мне, что с некоторых пор вы ощущаете усталость...

– Я была очень близка с мадам Берза, и ее смерть меня сильно потрясла. Мы делились друг с дружкой всякими секретами... Мне ее очень не хватает. Мы болтали, играли в карты. Остальные это не очень любят, а Франсис жульничает. И вот эта утрата плюс приближение осени...

– Понимаю. Я видел вашу медицинскую карточку. Ваши последние анализы превосходны, у вас есть все шансы отметить столетний юбилей. Полин мне также рассказала, что вы с удовольствием участвуете в творческих мастерских и обладаете кулинарными талантами.

– Я всегда любила готовить, доктор.

– Тома. А теперь я хочу спросить у вас, как спрашивал у остальных, что вам здесь нравится, а что нет. Есть ли у вас какие-нибудь замечания или пожелания, как сделать ваше пребывание здесь более приятным?

– Полин – настоящее сокровище. А ее малыш Тео просто прелесть. В остальном мое мнение вряд ли имеет значение, поскольку я наверняка вас скоро покину...

– Не говорите так, Элен.

– Я имею в виду не смерть, доктор, а отъезд. Моя дочь с зятем строят дом на юге. Я помогаю им по мере сил своими сбережениями. Они обещали взять меня к себе. Стройка заняла больше времени, чем предполагалось, но они заверили меня, что скоро дом будет готов.

– Я очень рад за вас. Что может быть прекраснее воссоединения с семьей!

– Мне показалось, что ваша семья тоже живет где-то здесь...

– Я действительно родился в этих краях, но у меня не осталось близких. Что касается нашего учреждения, вас устраивает питание?

– Не высший класс, конечно, но сойдет. Я привыкла довольствоваться малым. Во всяком случае, мы все обожаем выпечку Полин! Но знаете, она за все платит сама и отказывается от возмещения расходов.

– Спасибо, что предупредили меня, конечно, она не должна на это тратить. Я разберусь.

– Нужно будет ее убедить, что мы в состоянии за себя платить, до того, как она повезет нас в гипермаркет...

Поняв, что сболтнула лишнего, Элен замолчала. Ее замешательство не укрылось от доктора.

– Насколько я понял, мадемуазель Шоплен отвозит вас в гипермаркет?

Элен в отчаянии ломала пальцы.

– Прошу вас, забудьте, что я вам сейчас сказала. Я не хочу, чтобы у девочки были проблемы из-за меня... Мы все знаем, что это запрещается, но для нас это как выход в свет. Бывший директор был категорически против, но мы делали это тайком. Пожалуйста, не говорите ей ничего.

– Не волнуйтесь, прошу вас. Просто объясните мне все.

– Раз в неделю Полин берет с собой одного из нас в большой гипермаркет на выезде из города. Мы имеем право покупать все, что нам захочется. Это вносит свежую струю в нашу рутину. Остальные составляют список и отдают тому, кто едет с ней... Вы ведь не станете ее ругать?

– Я даже думаю, что ей больше не придется делать это тайком. Но я с ней обязательно побеседую.

– Только не говорите ей, что узнали об этом от меня! Можете сказать, что Франсис проболтался, это вполне в его духе.

– Нет, Элен, я не буду подставлять месье Ланзака, но обещаю вам, что Полин не узнает, откуда я получил эту информацию.

Элен облегченно улыбнулась Тома, затем прямо спросила:

– Доктор, вы надолго у нас задержитесь?

– Вот это вопрос! Я ведь только приехал. Рановато говорить о моем отъезде!

– Я не хочу, чтобы вы уезжали. Вы мне очень нравитесь.

– Это очень мило с вашей стороны, но, если ваши дети заберут вас к себе, вы рискуете уехать отсюда раньше меня. И потом, вы меня еще не знаете! Может, я ужасный человек...

– Не думаю, доктор. Дожив до своего возраста, я, может, знаю не так много, но у меня все же есть два надежных принципа, которыми я руководствуюсь. За свою жизнь я встречала достаточно людей, чтобы научиться нутром распознавать тех, у кого есть сердце. Я также поняла, что, когда людям больше нечего делать в каком-то месте, они уезжают. Вы добрый человек, доктор. Это шанс для этого дома. Но кто знает, как надолго вас задержат здесь дела?

11

Выйдя в сад, Тома глубоко вдохнул. Прикосновение прохлады к лицу вызвало приятные воспоминания. Даже самое легкое ощущение способно перенести вас сквозь расстояние и время туда, где вы испытали его при необычных обстоятельствах, туда, где ваше тело связало его с воспоминанием достаточно ярким, чтобы прочно запечатлеть его в вашей памяти. Тома закрыл глаза. Простое дыхание ветра на его щеке отправило его на несколько лет назад, когда он вместе с мужчинами деревни заготавливал дрова. Это был первый раз, когда он работал с ними в команде, на равных. Он был счастлив, и втайне горд, что занял среди них свое место и делал свою часть работы. Именно в тот вечер Кишан поднялся вместе с ним на горный карниз. Стоя лицом к долине, Тома закрыл глаза, наслаждаясь моментом. Он чувствовал себя на своем месте. То же дуновение ветра, на той же щеке.

И пусть он сегодня был один, ему нравилось находиться на воздухе. Он не привык сидеть взаперти. Во всех странах он жил, никогда не теряя из виду линию горизонта. Здесь ему не хватало пространства и открытой местности. На небе белые пухлые облака плыли в сторону лесистых холмов. Тома решил прогуляться по фруктовому саду.

В бетонном ограждении заброшенного завода зияла дыра, заросшая колючим кустарником. В открывшемся проеме виднелись бывшие технические помещения с красными и желтыми трубами, покрытыми ржавчиной. С другой стороны сада над изгородью возвышалась груда автомобильного хлама. Лежавший на самом верху каркас, казалось, готов упасть при малейшем дуновении ветра. Единственным признаком благоустройства сада была клумба с анемонами, многие из которых еще цвели, внося в пейзаж глубокую сине-лиловую ноту.

Спускаясь к реке, Тома наткнулся на старую песочницу, оставшуюся от бывших яслей. Он прошелся между рядами фруктовых деревьев, брошенных на произвол судьбы. Даже лишенные должного ухода, некоторые еще плодоносили. Тома давно не ел яблок, особенно сорванных прямо с дерева. Он подошел к яблоне, уже предвкушая, как наберет плодов и пойдет есть их к реке, к большой плакучей иве.

Облюбовав красивое зеленое яблоко с красным румянцем, Тома встал на цыпочки и потянулся к поросшей мхом ветке, но в тот момент, когда он уже собрался сорвать плод, за его спиной раздался выстрел. Тома вздрогнул и пригнулся к земле. Оставаясь в укрытии, он осторожно огляделся по сторонам и обнаружил Франсиса, который стоял в нескольких метрах от него и целился из ружья в сторону реки. Тома быстро поднялся и размашистым шагом направился к нему.

– Что это еще за стрельба? Вы меня напугали!

Франсис опустил свое оружие.

– Простите, док. Я не знал, что вы здесь гуляете. Обычно сюда никто не ходит.

– Вы во что стреляете?

– По пустым консервным банкам. Полин приносит мне их из дома. Доктор, вам когда-нибудь приходилось убивать?

– Моя профессия скорее связана со спасением людей...

– А я был военным. Но никого не убивал. Обучал стрелков.

– Понимаю вашу ностальгию, но стрелять здесь очень опасно, месье Ланзак. Ваши пули могут кого-нибудь задеть.

– Нет никакого риска. Сами взгляните.

Старик показал ему на свою мишень.

– Видите, док, позади банок находится откос. Мои пули всегда улетают туда либо в небо. В любом случае вам не о чем волноваться, я вскрыл свою последнюю коробку патронов. Скоро мне будет нечем стрелять.

– Вас называют Полковником из-за вашего военного прошлого?

– Так точно, но это прозвище. Я был всего лишь капитаном. Хотите пострелять?

– Нет, спасибо, экономьте патроны. К тому же я ненавижу оружие.

– Вы пацифист?

– Я слишком долго жил рядом с зоной конфликта, где звуки выстрелов были слышны день и ночь. Это плохие воспоминания.

– И где это было?

– На границе между Индией и Пакистаном, вдоль Нилума, широкой реки, пересекающей Кашмир. Оба государства отстаивают свое право на этот регион, поэтому там кипят страсти. Несколько лет назад, когда власти поставили ограждение, все стало еще напряженнее. Семьи оказались разделены, а солдаты принялись стрелять в тех, кто пытался перебраться на другой берег. Я получил пулю в бедро, потому что подавал знак парнишке на противоположном берегу. Мне повезло. Не знаю, хотел ли стрелявший убить меня и промахнулся, либо просто пытался припугнуть и случайно задел. Вы хороший стрелок, месье Ланзак, вы бы меня точно убили.

– Открою вам одну тайну, док. Я об этом еще никому не рассказывал. Со мной у вас не было бы никаких шансов отправиться на тот свет. Когда я вышел в отставку, я был настоящим снайпером. В пьяном виде с сотни метров мог головастика кастрировать. В ту пору я сказал себе, что, пока буду попадать в яблочко с пятидесяти метров, мне будет ради чего жить. И поклялся, что, как только промажу мимо мишени, следующую пулю пушу себе в голову, поскольку это будет означать, что я свое отжил.

Франсис обернулся и показал на пенек при входе в сад.

– Граница в пятьдесят метров осталась там. Сейчас я стреляю с двадцати метров, иногда подхожу еще ближе. Я виню во всем ветер, который сносит пулю в сторону, я даже убеждаю себя, что эту проклятую банку сдвинула мышь – ведь я почти никогда не попадаю в цель. И что же? Я выстрелил себе в голову? У меня не хватило духу. Я стараюсь беречь зрение, я подхожу все ближе, но даже со всеми этими трусливыми компромиссами мне редко удается попасть в мишень. И каждое утро я спрашиваю себя, почему я так цепляюсь за жизнь. Вы знаете ответ?

Они посмотрели друг другу в глаза.

– Элен сказала, что мы остаемся здесь, пока у нас есть какие-то дела, – произнес Тома. – Вы здесь потому, что на это есть веские причины. И примите к сведению, что даже с пинцетом и лупой невозможно кастрировать головастика. Идемте, Полковник, я приглашаю вас отведать яблок на берегу реки.

– К вашим услугам. Скажите, док, а вы когда-нибудь глушили рыбу динамитом?

12

– Огромное вам спасибо, но не стоит так беспокоиться. Я вполне могу дойти пешком. Я привык много ходить. Возвращайтесь лучше к своему сынишке.

– Месье Селлак, не говорите глупостей, нам все равно по пути. Вам так и так придется возвращаться пешком, поберегите силы.

Тома понял, что ему не удастся отделаться от участливой медсестры. И теперь ехал в машине Полин по направлению к центру города.

Хотя так было удобнее и быстрее, он все же предпочел бы отправиться туда пешком, чтобы успеть психологически подготовиться к тому, что его ждало. Тома собирался пережить исторический момент. Впервые он рассчитывал увидеть Эмму во плоти.

Благодаря сайту студентов медицинского училища Тома сумел вычислить, что сегодня группа второго курса, на котором училась Эмма, заканчивает занятия в 18 часов 30 минут. Хотя он в мельчайших деталях помнил снимки, переданные Кишаном, но все же взял их с собой, главным образом чтобы чувствовать себя спокойнее. Если бы ему сказали, что когда-нибудь он будет носить с собой несколько листов бумаги в качестве талисмана, он бы просто не поверил.

Полин ехала довольно быстро. Тома привык к энергичному вождению, особенно на дорогах Кашмира, но здесь, в городе, ему было не по себе.

– В Индии ведь левостороннее движение, насколько мне известно? – спросила медсестра.

– На нормальных дорогах – да, а в более отдаленных районах ездят как получится.

Полин проехала перекресток – слишком быстро, на взгляд Тома.

– Мне кажется, вы очень понравились нашим постояльцам. Ваш приезд взбодрил всех, даже меня.

– Спасибо. Осторожнее, возьмите правее...

– Вы по-прежнему не возражаете, чтобы я взяла с собой Тео в субботу?

– Конечно нет. Я буду рад с ним познакомиться.

– Где вас высадить в центре?

– У центральной больницы, пожалуйста.

– Надеюсь, вы не заболели?

– Нет, все в порядке. Впереди перекресток.

– Не беспокойтесь, у меня еще не было ни одной аварии. Вы встречаетесь с коллегой?

– Не совсем.

По тону ответа Полин почувствовала, что Тома не хочет об этом говорить.

– Простите, я допустила бестактность.

В машине повисла неловкая пауза.

– Это вы меня простите, – произнес Тома. – Последние восемь лет я общался в основном с мужчинами, и то по поводу самых простых бытовых вопросов или же в чрезвычайных ситуациях. Мое возвращение произошло слишком быстро, я не успел перестроиться, а с тех пор, как попал в ваше учреждение, мне приходится разговаривать о сложных, глубоко личных вещах. Да еще и с женщинами, наделенными тонкой душевной организацией. Неудивительно, что пещерный человек вроде меня не всегда понимает, как себя вести. Не сердитесь.

– Моя не сердись. Моя радуется вы директор. Моя считай ваша добрый и порядочный.

– Вы что, издеваетесь надо мной?

– Нет, я пытаюсь говорить просто, чтобы «пещерный человек» меня понял!

– Моя не настолько пещерный! Вы только что проехали на красный свет.

– Моя из каменный век, моя путай красный свет и спелый ягода. Полицейский начальник так и скажи.

– Полин, прошу вас...

– Хорошо, больше не буду. Мы все равно уже приехали. Больница находится вон на той маленькой площади.

– Большое спасибо. До завтра. Хорошего вам вечера.

– Вы не забыли взять ключи? На наших постояльцев не рассчитывайте, они вам не откроют. Когда они спят, их пушкой не разбудишь.

Тома вышел из машины и помахал Полин рукой. Когда машина медсестры тронулась с места, он направился в сторону больницы.

Оставшись один, он тут же ощутил, как на плечи навалилась тяжесть, словно он только сейчас внезапно осознал всю важность приближающегося момента. Его обычно прагматичный ум обуревали соображения и опасения, одно нелепее другого. Никогда раньше Тома так не трясло. По большому счету поездка с Полин помогла ему какое-то время себя сдерживать.

Когда доктор подошел к училищу, расположенному рядом с больницей, нервное напряжение уже зашкаливало. Готовый случай для психиатра. Тома принялся разглядывать большое здание, классическое и строгое, с широкими въездными воротами. Немного побродив вокруг, он решил остановиться возле одного из высоких каштанов, которые росли на маленькой площади.

Точка наблюдения была выбрана идеально. 18 часов 15 минут. У него еще есть время, если только по непредвиденным причинам Эмма не закончит занятия раньше. А может, она и вовсе не пришла сегодня, потому что заболела. Впрочем, даже если она сейчас находилась в училище, не было никакой гарантии, что она выйдет оттуда ровно в половине седьмого. Ей наверняка захочется поболтать с подружками или уладить какие-нибудь дела. Как бы то ни было, Тома был полон решимости ее дожждаться. Ради этого он приехал из Индии. Ради этого устроился на первую попавшуюся работу. Сейчас он чувствовал себя на своем месте.

18 часов 19 минут. Он бережно развернул фотографии Эммы, края которых уже немного обтрепались. Тома сосредоточился на тех снимках, где Эмма была постарше. А если она обрехала волосы, как ее мать? А если они не собраны в пучок, как на фотографиях с лыжами? А если она носит очки? Неужели он может ее не узнать? Правду ли говорят, что при встрече со своими детьми вы инстинктивно узнаете их с первого взгляда? А если Селин показала его фотографии своей дочери и та его узнает? А если Эмма набросится на него и расцарапает ему физиономию, потому что смертельно на него обижена? А если она подбежит к нему и бросится на шею, потому что простила его? Лучше бы пакистанский солдат убил его тогда на границе, потому что Тома был не в состоянии справиться с тем, что творилось с его головой и сердцем. Почему время тянется так долго?

Тома переместил свой пост наблюдения, укрывшись за стволом дерева. Отсюда его было почти не видно, зато ворота просматривались прекрасно. Если только здесь нет другого выхода... И в мозгу Тома взорвался новый фейерверк безумных вопросов.

Ему удалось обуздать свои мысли лишь когда он дофантазировался до того, что представил, как Эмма удирает по крышам, поскольку при помощи сверхъестественных способностей узнала о появлении своего биологического отца, с которым ей нельзя встречаться под страхом смерти...

Из здания выливался размеренный поток студентов и студенток. Тома внимательно вглядывался в лица девушек. И в каждой – прежде чем окончательно убедиться, что это не Эмма, – прилежно пытался увидеть свою дочь. Он хотел извлечь из этого первого контакта, первого узнавания все, что только можно. Ничего не упустить, запечатлеть в памяти все мельчайшие подробности. На этот раз история не будет писаться без его ведома. Когда ему вдруг показалось, что он видит Эмму, сердце чуть не выпрыгнуло из груди, а все внутри обдало жарким огнем. Но это снова была не она.

18 часов 33 минуты. Перед Тома остановился мужчина и спросил:

– Простите, вы не подскажете, где находится улица Жедеон-Малангро?

– К сожалению, я не знаю.

Из училища вышла очередная группа студентов. Тома наклонился в сторону, чтобы попытаться их увидеть, но мужчина загоразживал ему вид.

– Она должна быть где-то неподалеку, – настаивал тот, – мне сказали, что она переходит в улицу, ведущую на эту площадь.

– Честное слово, я не знаю.

Мужчина упорно оставался на месте. Тома мог упустить свою дочь. Нужно было срочно что-то делать.

– Ах да! – внезапно воскликнул он. – Я действительно вспомнил, улица Громалин находится там.

– Вы хотели сказать – улица Жедеон-Малангро.

– Да, Малангро. Это очень просто. На первом перекрестке поверните направо, а на втором – налево. И выйдете на свою улицу.

Мужчина улыбнулся:

– Большое спасибо, вы очень любезны.

Назойливый наконец ушел. Тома, напрягая зрение, поочередно вглядывался в студентов, которые теперь валом валили из здания. Словно снайпер, отслеживающий свою мишень среди толпы, он не упускал ни одной детали. Девушки смеялись, окликали друг друга, разговаривали, целовались.

Внезапно одна из них так и бросилась Тома в глаза. Сомнений быть не могло. Ее волосы были уложены так же, как во время катания на лыжах, лицо сияло, как на вечеринке, а улыбка не изменилась со дня рождения, когда она получила в подарок куклу. Но вовсе не та незримая связь, что соединяет родителей и детей, позволила Тома сразу узнать свою дочь – Эмма двигалась точно так же, как ее мать в этом возрасте. На короткое мгновение Тома даже показалось, что он вернулся на двадцать лет назад и видит перед собой Селин. Если цвет ее волос, глаза и ямочки на щеках были от него, то энергию она, бесспорно, унаследовала от своей матери. И все же он прекрасно понимал, что это не Селин. Чувство, которое, словно конец зажженного фитиля, сейчас медленно подбиралось к его сердцу, не имело ничего общего с тем, что он когда-то испытывал к своей подруге. Он смотрел на Эмму совсем иначе. Никогда он никого не разглядывал так иступленно. В ней он видел хрупкого ребенка, которого оставил без своей защиты, и не мог себе этого простить. Он никогда не чувствовал себя готовым отдать все человеку, которого даже не знал. Только дети обладают такой властью. Эмма была здесь, перед ним, она смеялась вместе со своими подругами. Такая красивая, такая живая... Но она уже удалялась от него.

В те слишком короткие мгновения, пока Тома мог ее видеть, ему открылись две истины. Первая: подойти к ней и заговорить было бы ошибкой. Для этого еще не пришло время: он не знал, что ей сказать. И вторая истина, гораздо более важная, состояла в следующем: Тома понял, что отныне он будет делать все возможное, чтобы быть рядом с ней. В этом теперь смысл его жизни.

Когда Эмма исчезла за поворотом, Тома некоторое время раздумывал, не пойти ли за ней, но в итоге отказался от этой мысли. Слишком рискованно. Тогда он остался стоять возле своего дерева, перебирая в памяти образы Эммы на площади, которая без нее теперь словно опустела. Он увидел вернувшегося крайне раздраженного искателя улицы Жедеон-Малангро и спрятался от него за деревом. Но он не увидел Полин Шоплен, внимательно наблюдавшей за ним с угла площади. Медсестре захотелось узнать, с кем встречается симпатичный пещерный человек. Она стала свидетелем его нетерпеливого ожидания и сильнейшего волнения. Ей даже показалось, что на глазах у него блеснули слезы. И она тут же вообразила себе бог весть что. Женщины всегда так делают.

13

– Жан-Мишель, не могли бы вы дать мне одну из ваших карамелек? Я хочу показать Тео фокус.

Джентльмен с тростью порылся в кармане и протянул Шанталь клубничную конфету.

– Спасибо. А теперь, малыш, смотри... Спорим, что я могу съесть эту конфету, не кладя ее в рот?

Заинтригованный ребенок быстро кивнул. И тогда Шанталь отвернулась, чтобы подготовиться, а потом резко повернулась лицом к нему, держа в одной руке конфету, а в другой свою вставную челюсть. Широко улыбнувшись беззубым ртом, она пощелкала челюстью, зажав ее в пальцах, и прошепелявила:

– Ням-ням! Мои зубки убежали и сейчас съедят эту конфетку!

В ту же секунду мальчик выпучил глаза и заревел. Франсис оторвался от своей газеты.

– Браво, Шанталь! Мне не терпится посмотреть, какой фокус ты ему покажешь, когда у тебя будет искусственный анус.

Ребенок продолжал пронзительно вопить. Он здорово перепугался. Из кухни вышла Полин, вытирая руки об фартук.

– Что вы опять натворили? Вас невозможно оставить даже на десять минут.

Увидев Шанталь, держащую в руках вставную челюсть и конфету, она вздохнула:

– Что на этот раз? Сказка о волшебной клубничке и вампире, потерявшем челюсть?

Тео бросился к матери и вцепился в нее, не переставая смотреть на Шанталь со смесью ужаса и отвращения.

– Все хорошо, милый, бояться нечего. Иногда, когда люди стареют, им меняют отдельные части, которые можно отсоединять.

Франсис наклонился к Тео и тихо сказал:

– Скажу тебе как мужчина мужчине: когда доживешь до нашего возраста, не пытайся отвинтить себе бедро или кардиостимулятор. Кстати, раз уж мы об этом заговорили... Я знал одного типа, который перепутал свой слуховой аппарат с ректальной свечой. В результате он ничего не слышал несколько дней.

Тео еще крепче вцепился в свою мать.

– Все хорошо, милый. Месье Ланзак шутит. А вы прекращайте его травмировать, а то у него снова кровь из носа пойдет.

– Я слышал крики, – поспешно входя в гостиную, произнес доктор. – У вас ничего не случилось?

– Не волнуйтесь, док, – ответил Франсис. – Это Шанталь: когда она перестает говорить глупости, она начинает их делать.

Увидев Тео, Тома присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ребенком.

– Добрый день, молодой человек. Я и не знал, что ты здесь. Рад с тобой познакомиться. Меня зовут Тома, я работаю с твоей мамой...

– ...в этом сумасшедшем доме! – закончил фразу Франсис.

Доктор протянул мальчику руку, но малыш продолжал прижиматься к матери.

– Мне очень жаль, – сказала Полин. – Обычно он довольно общителен и не смотрит на всех выпученными глазами. Просто ему тут показали фокус, после которого придется пару месяцев походить к детскому психологу.

– Хорошо, познакомимся позже.

Не сумев оторвать от себя сына, который повис на ней словно коала, Полин ушла вместе с ним на кухню.

– Я иду, Элен, – крикнула она. – Надеюсь, нам наконец удастся доделать печенье...

– Франсуаза не с вами? – спросил Тома, выпрямляясь.

С видом нашкодившей девочки Шанталь водворила искусственную челюсть на место и ответила:

– Она часто сидит одна в своей комнате. Хотя Тео ей очень нравится.

Затем она съела конфету. Положив ее в рот.

14

Тома легонько постучал в дверь мадам Кенон. Со своими пациентами он всегда начинал с более тихих звуков. Это давало ему возможность оценить их слух и реакцию.

– Войдите!

У Франсуазы Кенон слух был отличный. – Я вас не отвлекаю?

– Вы отвлекаете меня от безделья, доктор, но это не страшно.

– Почему бы вам не присоединиться к остальным в гостиной? Сегодня у нас в гостях Тео, а Элен с Полин готовят печенье для полдника.

– Судя по воплям малыша, печеньем дело не ограничилось. Какие кошмары будут сниться ему на этот раз?

– Клубничная конфета и вставная челюсть.

– Бедный мальчик. В наши дни их можно напугать чем угодно. С моими детьми такого никогда бы не случилось.

– У вас есть дети?

– Без малого тысяча, и все неродные. Я работала учительницей и заботилась о каждом ребенке, как о своем. Но, полагаю, вы пришли сюда не затем, чтобы выслушивать воспоминания старой женщины.

– Ваша жизнь и профессия мне очень интересны, но я действительно хочу поговорить с вами о другом. Я изучил ваши последние анализы и, даже если это не входит в мои основные обязанности в данном учреждении, я считаю, что вам следует поменять схему лечения. Вы позволите мне поговорить об этом с коллегой, который вас наблюдает и, возможно, провести дополнительное обследование?

– Что, мои дни уже сочтены? Но я не боюсь смерти, доктор.

– К счастью, все не так плохо. Речь идет лишь о том, чтобы скорректировать дозировку.

– Почему бы нет? Наш лечащий врач не глядя выписывает одни и те же рецепты. Наверное, он считает бесполезным тратить время на таких стариков. Может, он и прав. Особа с косой всех нас уже зажала...

– Не будьте такой пессимисткой.

– А знаете, почему я не боюсь смерти?

– И почему же?

– Потому что я знаю, что это не конец. Остальные поднимают меня на смех, но мне плевать. Я в это верю. Я знаю, что после смерти что-то есть. Я вижу знаки, слышу их. А вы, доктор, верующий?

– Я много путешествовал и имел возможность наблюдать разные вероисповедания. В Африке, на Ближнем Востоке, в Индии... Все поклоняются Богу на свой лад. Я с уважением отношусь ко всему, что помогает людям жить и повышать духовность, но лично я...

– Они говорили вам, что я слышу пение?

– Намекали...

– Вы считаете меня ненормальной?

– Вы в абсолютно здравом уме, и потом, меня самого частенько посещают странные мысли, поэтому не мне вас судить.

15

Тома обещал себе не делать этого, но все равно сделал. Переживая, что ему не удастся увидеть Эмму в течение всего уик-энда, он не стал ограничиваться ожиданием ее возле училища. Он последовал за ней. На улицу, где жила Селин, он решил больше не возвращаться. Это было слишком рискованно, слишком опрометчиво. Он мог часами бродить перед домом, но так и не увидеть свою дочь, и в итоге выдать себя. Тогда как на городских улицах, оставаясь незамеченным, он мог вдоволь смотреть на нее и постепенно узнавать, наблюдая за ее жизнью.

Эмма вышла из училища около пяти часов вечера. Вместе с двумя подругами, судя по всему близкими, она зашла в бистро выпить кофе. Тома устроился за столиком в глубине зала. Он специально сел спиной к Эмме, но, к счастью, отражение в витрине позволяло ему видеть ее лицо и даже ямочки на щеках. Он находился достаточно близко, чтобы слышать ее голос и различать слова. Студентки обсуждали тему сегодняшних занятий – обеспечение непрерывности лечения в период реорганизации отделения. Эмма и слушала, и говорила сама. Задавала вопросы, отвечала. Она явно была девушкой с характером, но не злобой. Спокойно излагала свои мысли, приводила доводы. Чем больше Тома слушал, как она говорит, тем замечательнее она ему казалась. Это что, один из симптомов отцовства? Всегда ли отцы приходят в восхищение от своих дочерей, особенно до такой степени и за такой короткий срок? И чем вызвано это восхищение – отцовскими розовыми очками или сочетанием природных данных и хорошего воспитания, к которому он не имел никакого отношения?

– Месье желает что-нибудь еще?

Чтобы не привлекать внимания девушек, Тома тихо ответил:

– Еще один чай, пожалуйста.

Пойло, полученное в процессе заваривания пакетика с отходами чайного производства, не имело ничего общего с тем, что готовила Ниту из листьев, собранных и высушенных собственноручно. Но сейчас это было неважно.

Официант вернулся с кипятком и очередным пакетиком чая в тот самый момент, когда Эмма с подругами вставали, готовясь уйти. Тома извинился перед официантом:

– Простите, я не видел, что уже так много времени. Мне пора бежать. Не волнуйтесь, за чай я заплачу.

Официант посмотрел вслед странному типу, который напомнил ему белого кролика из «Алисы в Стране чудес», взял деньги, унес горячую воду и чайный пакетик.

* * *

Следуя за дочерью, Тома старался держать дистанцию. Он так осторожничал, что дважды чуть не упустил ее из виду. В эти моменты он чувствовал себя совершенно потерянным. Он никогда не ощущал ничего подобного. Безумная радость, которую он пережил, снова увидев Эмму, также была ему доселе незнакома. Интересно, все родители испытывают подобные эмоции, когда их дети появляются или исчезают? Наверное, все-таки нет, если они видят их каждый день. Хотя кто знает...

Одна из подруг, попрощавшись, вошла в торговую галерею. Вторая вскоре села на автобус. Эмма в одиночестве прохаживалась возле перекрестка. Едва она рассталась с подругами, как Тома различил на ее лице легкую грусть. Словно они унесли с собой частичку ее хорошего настроения. Словно любое человеческое существо может сиять от радости лишь в окружении себе подобных. Тома догадывался, что сейчас чувствует Эмма. Он и сам был таким. Он ощущал невероятный прилив энергии, когда встречался с жителями деревни. Он забывал об уста-

лости, как только видел Кишана, идущего к нему со своей неповторимой улыбкой. Но здесь рядом с кем он испытывал эти чувства? Тома был всего в нескольких шагах от своей дочери, и это грело ему душу, давало ему силы жить. Но, в отличие от любого другого отца, он не имел права подойти к ней, и это причиняло ему боль. Как бы ему хотелось неожиданно встретиться с ней в городе сегодня вечером и увидеть, как озарится радостью ее лицо при виде отца – отца, которым он мечтал быть... Но Эмма стояла одна. Он тоже.

Девушка то и дело поглядывала на свой телефон. Может, она ждала сообщения? Или проверяла, который час, как это делала Полин? Похоже, у нее с кем-то назначена встреча. Возможно, с матерью или с тем, кого она считала своим отцом. А вдруг они заедут за ней на машине? Тогда Тома упустит ее из виду. И ему придется ждать три долгих дня, чтобы снова увидеть ту, которую он знал так мало времени, но которая уже занимала огромное место в его жизни.

Внезапно перед Эммой появился молодой человек. Лицо девушки засияло, еще больше чем в присутствии подруг. Парень обнял ее и страстно поцеловал в губы.

Тома почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он прислонился к столбу светофора и спрятался за ним, чтобы было удобнее наблюдать. Говорят, дети растут быстро, но обычно ребенок не превращается за несколько недель из новорожденного младенца, только что вошедшего в вашу жизнь, в молодую соблазнительную женщину, на которую бросаются мужчины... Однако для доктора все выглядело именно так. Что это за парень? Какое он имеет право целовать его дочь на глазах у всех, да еще так долго? Да он просто хвастается своим трофеем, этот молодой самец! Однако никто кроме Тома не обращал на них внимания. Но это было еще не самое ужасное! Эмма обняла парня обеими руками. Она даже коснулась его задницы, и вовсе не случайно! Тома закрыл глаза, чтобы попытаться сохранить самообладание, и сделал несколько глубоких, медленных вдохов.

Когда он снова их открыл, парочка уже исчезла. Он бросился сквозь толпу как ужаленный в надежде догнать влюбленных. Мчась вперед на всех парах, он слишком поздно заметил, что они идут ему навстречу, и чуть с ними не столкнулся. Никогда еще он не был так близок к Эмме. Ему удалось избежать худшего, в панике метнувшись в сторону. Молодые люди были слишком заняты собой – смотрели друг другу в глаза, хватались за все части тела друг друга, которые попадались им под руку. Поэтому не обратили внимания на психа, который чуть не снес прилавок продавца очков. Тома пришел в себя и отправился следом за ними до ближайшего кинотеатра. Влюбленные купили два билета на американский боевик. Расплачивался парень.

Тома пропустил вперед три другие парочки, затем подошел к кассе и купил один билет.

16

В последний раз Тома был в кинотеатре больше двух лет назад, в Шринагаре, вместе со всем семейством Кишана на день рождения его жены Джаи. Он мало что понял из диалогов, но был впечатлен песнями и масштабными танцевальными номерами, рассказывающими об истории любви – под громкие комментарии сопереживающей публики. Отрицательных персонажей нещадно освистывали, а в конце, когда главный герой обнял свою прекрасную принцессу, с которой он мог наконец вступить в законный брак, все принялись аплодировать, заглушая последние реплики. Отцы, присутствовавшие в зале, наверняка вели бы себя более сдержанно, будь на месте главной героини их дочь, влюбившаяся в самодовольного красавчика вроде сидящего через три ряда, рядом с Эммой, парня, которого Тома беспрестанно сверлил взглядом.

Они устроились в самом центре зала, напротив экрана. Слов Тома разобрать не мог, но сам голос парня слышал отчетливо. Низкий, сексуальный. Чертовы гормоны. Он также различал голос Эммы, гораздо более мелодичный, чем во время бесед с подружками, прерываемый тихим смехом. Смысл их воркования был предельно ясен: а дай я тебя обниму за шею, а дай я тебя поглажу по волосам, ой, как смешно, что наши руки одновременно потянулись к стаканчику с попкорном... Словно две обезьянки.

Из демонстрируемого фильма Тома понял не намного больше, чем из того, что смотрел в Индии, поскольку не сводил глаз со своей дочери и ее возлюбленного. Они поцеловались тридцать восемь раз за сто две минуты кинопоказа. То есть делали они это почти каждые три минуты! Утихомирить их на какое-то время мог лишь ядерный взрыв или душераздирающее признание главных героев. Даже во время финальной сцены, когда главный герой со слезами на глазах (пусть и неубедительными!) смотрел на своего умирающего отца, они умудрились поцеловаться. А герой фильма, между прочим, остался без папы! Ничего святого!

К концу фильма Тома чувствовал себя вконец обессиленным из-за непрекращающихся взрывов на экране, поцелуев своей дочери в зрительном зале и собственных переживаний, разбередивших ему всю душу. Он чувствовал себя одновременно плохим отцом, извращенцем-вуайеристом и папашей, переживающим за свою маленькую принцессу. Ведь он тоже когда-то ходил в кино с Селин. И разумеется, целовал ее, но не так много, и уж точно не в ту минуту, когда отец главного героя умирал в жутких конвульсиях. И кроме того, доктор никогда не позволял себе посасывать чью-либо мочку уха. Те, кто снимает фильмы, хотя бы догадываются, чем занимаются люди, глядя на плоды их нелегких трудов?

Когда свет в зале зажегся, Тома испытал огромное облегчение. Наконец-то свобода. Он больше не мог смотреть, как люди умирают, пока его дочь целует этого юного наглеца. Интересно, все отцы до такой степени ненавидят дружков своих дочерей? Наверное, только в самом начале. По крайней мере, первого. И только если это серьезно.

Мужчины так подозрительно относятся к своим собратьям, потому что прекрасно знают, на что способны по отношению к женщинам.

Два голубка остались сидеть до последнего, покинув зал только после самых последних титров. Тома не стал рисковать и ждать их. Он вышел вместе с толпой, чтобы не привлекать к себе внимания. В какую-то секунду ему захотелось притаиться на четвереньках между креслами, а потом выскочить и крикнуть этому нахалу в лицо все, что он о нем думает. Но нет. Он тихонько вышел из кинотеатра, встал у двери соседнего магазина и принялся ждать.

Тома услышал смех дочери раньше, чем увидел ее. Они появились на тротуаре, окруженные сиянием. В свете фасадных прожекторов, среди людей, ожидающих следующего сеанса, они буквально светились от счастья.

Молодой человек попросил Эмму подождать на углу улицы, пока он подгонит машину. Галантный поступок – не мог не признать доктор. Глядя на убегающего парня, он нехотя отметил, что у него атлетическое телосложение.

Эмма, блаженно улыбаясь, медленно направилась к дороге. Сейчас он не наблюдал в ней того упадка жизненной силы, который случился после расставания с подружками. Видимо, некоторые чувства согревают наше сердце дольше других.

Ее походка тоже изменилась. Сегодня вечером она была похожа на эквилибристку, осторожно шагающую по облакам. Она казалась легкой, счастливой. Погруженная в свои приятные мысли, она не заметила двух парней, которые неожиданно рванули у нее из рук сумку. Шансов у Эммы не было. Два мерзавца дернули изо всех сил. Эмма закричала, вцепилась в сумку, но они были сильнее. Девушка упала. Воры исчезли со своей добычей.

17

Тома, не раздумывая ни секунды, бросился к Эмме. Он наклонился к ней, положил руку на плечо.

– Ты цела?

Девушка подняла на него глаза, она была в шоке.

– Я нормально, но они сумку отобрали...

Тома увидел ее слезы, и у него оборвалось сердце. Оставив дочь на попечение подросшей на помощь женщины, он немедленно рванул вслед за грабителями. Так быстро он не бежал никогда. На тренировках он всегда показывал хорошие результаты, а сейчас добавился уникальный стимул. Подонки были уже далеко, уверенные в том, что никто не осмелится их преследовать. Тома бежал изо всех сил, но никого не было видно. Он уже начал думать, что потерял их. Внезапно его охватила ярость. На этот раз он не мог позволить, чтобы ситуация вышла из-под контроля. Он должен был любой ценой защитить Эмму.

В этот момент доктор заметил их на одной из улочек. Он даже не думал о том, какому риску себя подвергает.

– Сейчас же отдайте мне эту сумку.

– Иди отсюда, мужик. Это не твоё дело.

– Перестаньте рыться в этой сумке, которая вам не принадлежит, и отдайте ее мне.

– Тебе она тоже не принадлежит, мужик. Так что вали, пока не огреб.

Тома подошел ближе. Парень повыше передал свою добычу второму и преградил доктору дорогу:

– Ты у нас супергерой, да? Тебя типа радиоактивный паук за жопу укусил, и теперь ты нас суперпаутиной поймаешь?

Тома уже был не в себе.

– В последний раз, – процедил он сквозь зубы, – я прошу вас вернуть мне эту сумку со всем ее содержимым.

– «Со всем ее содержимым»? Прикольно. Ты, видать, мужик ученый.

Тома и высокий грабитель стояли напротив друг друга. Парень ухмыльнулся:

– Гляди-ка, немолодой дядька уже, а бегаешь хорошо...

Вместо ответа Тома бросился в атаку. Из всех сил он кулаком ударил противника в солнечное сплетение, затем ногой в пах. Застигнутый врасплох грабитель согнулся пополам и, матерясь, рухнул на землю. Его сообщник выпустил сумку из рук и угрожающе произнес:

– Оборзел? Ты чё с моим корешем сделал? Я сейчас тебе...

Тома не дал ему договорить. Одурманенный яростью, он набросился на парня и принялся осыпать его ударами – в лицо, в грудь. Противник защищался отчаянно, и рука у него была, надо сказать, очень тяжелая. Но Тома было не остановить, он даже не чувствовал боли. Второй грабитель уже лежал на земле, когда первый, морщась и держась за грудь, поднялся на ноги. Тома, с распухшей губой, угрожающе вытянул указательный палец и выдохнул:

– Если подойдешь – убью, честное слово. Я знаю, как это сделать.

– Мужик, ты совсем больной.

– Да, я совсем больной. А ты у нас зато молодец.

Воспользовавшись тем, что Тома на секунду отвлекся, поверженный грабитель попытался сбить его с ног, в ответ получив сильный удар ногой по ребрам. Он завопил от боли и отполз подальше. Придерживая руку, он встал и бросился наутек. Приятель последовал за ним. Когда они отошли на безопасное расстояние, тот, что повыше, обернулся:

– Мы с корешами тебя найдем, поквитаемся!

Они исчезли за поворотом. Тома ощущал во рту вкус крови. Напряжение спадало. Наклонившись, чтобы собрать разбросанное по земле содержимое сумки, он чуть не потерял равновесие. Перед глазами все плыло. Кошелек был на месте, телефон тоже. Доктор упал на колени. Ему повезло, что оба подонка убрались восвояси – он вряд ли выдержал бы второй раунд.

18

Глубокой ночью, стоя с голым торсом перед зеркалом в ванной, Тома пытался оценить нанесенный ему ущерб. Он с трудом добрался до дома престарелых. Теперь, когда боевой запал прошел, он ощущал мучительную боль от каждого полученного удара.

По результатам осмотра лица врач диагностировал себе на завтра здоровенный фингал под глазом. Губа еще была опухшей, плечо нещадно болело, он хромал на правую ногу, а кулак, которого он не жалел, превратился в сплошной синяк. Тома никогда в жизни не дрался, за исключением одного раза, в начальной школе, да и то оказался тогда побежденным. Он сам поражался той неистовой ярости, что охватила его сегодня вечером. Но ярость эта была более чем объяснима. Тома достаточно было вспомнить лицо лежащей на земле Эммы, как в нем начинала бурлить кровь, и он готов был немедленно броситься на кого угодно. Некоторые вещи действуют на нас помимо нашей воли. А в случае Тома слезы дочери вызывали в нем желание убивать.

Сумка Эммы лежала на кухонном столе. Когда Тома вернулся на бульвар, девушки там уже не было. Эмму наверняка увез ее парень, пока Тома дрался с грабителями в нескольких улицах от них. Доктору было беспокойно. В любой другой ситуации он позвонил бы и узнал, как у нее дела, сообщил бы, что забрал ее вещи, что сумка лишь немного испачкалась, но, главное, все было на месте. Но в его случае такой, казалось бы, простой вариант был невозможен. Тома вспомнил, как не раздумывая бросился к Эмме. Как положил руку ей на плечо, заглянул в глаза. Разве так начинаются отношения между отцом и дочерью? Все отцы мира сначала берут своих дочерей на руки, сразу после их рождения. Постепенно знакомятся с маленьким существом, которому дали жизнь, восхищаются крошечными пальчиками, младенческим лепетом. Тома впервые коснулся руки своей дочери в тот момент, когда она подверглась агрессии, и даже не сумел ее утешить. Беспокойство Тома усугублялось еще и тем, что Эмма видела его лицо. Теперь он рисковал быть узнанным. Это могло все осложнить при их очередной встрече.

Тем не менее из этого ужасного вечера, из этой бури страстей, совершенно ему несвойственной, Тома вынес кое-что важное. Впервые в своей жизни он был уверен, что оказался в нужном месте в нужное время. Пусть не он успокаивал Эмму, зато он вернул то, чем она дорожила. Возможно, он сыграл не самую трогательную роль, зато взял на себя самое сложное и опасное. Никто бы не погнался за грабителями, и Эмма лишилась бы всех своих вещей. Он стал для нее добрым защитником, появившись в самый необходимый момент.

Внезапно Тома понял, что может сделать для своей дочери. Отныне он будет ей помогать. Он перестанет довольствоваться одним лишь наблюдением, он сделает все возможное, чтобы оградить ее от темной стороны жизни. Отныне это его основное предназначение – естественное и неоспоримое. Его новое место вырисовывалось все четче, и оно ему нравилось. Он станет для Эммы перстом судьбы, фактором удачи, тайным ангелом-хранителем.

В зеркале Тома с удивлением заметил, что по его лицу, распухшему, как у боксера после проигранного поединка, расплылась улыбка. Сами того не зная, эти два отморозка преподнесли ему подарок. Наконец-то он нашел свое место в жизни Эммы и обрел смысл своей собственной. Он был полон решимости защищать свою дочь и облегчать ей путь. Возможно, именно это и значило быть отцом.

Тома склонился над сумкой. В кошельке лежали карточки и маленькие бумажки с торопливо сделанными записями. Телефон был включен. Доктор боролся с искушением.

Даже зная, что это безнравственно, даже понимая, что вы долго будете упрекать себя за это... что бы вы сделали на его месте?

19

На берегу реки Тома обнаружил старую деревянную скамейку, покрытую мхом. И хотя две из четырех досок были сломаны, он сел на нее. Глядя на блики солнца, играющие на воде, он постепенно расслаблялся, проникаясь безмятежностью этого места. Над рекой возвышался небольшой причал, на который он не рискнул бы ступить. Легкий ветерок конца лета колыхал длинные ветви плакучей ивы, и ее шелест заглушал все звуки окружающего мира.

Вид был не таким живописным, как с горного карниза Амбара, но Тома все же находил в нем немного тишины и покоя, в которых так нуждался. Прямо перед ним, за поросшим буйной растительностью противоположным берегом, расстилались уже убранные поля, позади которых маячил лес. Ренонс была не такой широкой, а главное, не такой бурной, как непокорная Нилум, но доктор не жаловался. Эту речушку, наверное, можно было перейти вброд, и ее успокаивающее журчание помогало Тома привести мысли в порядок. Сейчас это было ему необходимо.

Внезапно раздавшийся хруст выдернул его из раздумий. Тома резко обернулся и увидел Полин. Он даже не слышал, как она подошла. Медсестра смущенно остановилась.

– Я вам помешала. Да еще и напугала...

– Я размышлял.

– Франсуаза видела, как вы пошли в глубь сада...

– Я вам нужен? Какая-то проблема?

– Нет, все в порядке. Мне просто захотелось к вам присоединиться. В последние дни вас почти не видно.

Тома жестом пригласил ее сесть рядом. Полин присела на краешек скамьи. Некоторое время они сидели молча, созерцая пейзаж. По большому счету Тома был рад, что кто-то отвлек его от тягостных мыслей.

– Ваши глаз и губа уже заживают, – отметила Полин. – Рука как будто тоже. Если вам понадобится моя помощь, не стесняйтесь. Я ухаживаю не только за стариками...

– Спасибо. Я запомню.

– Вы стали приходить сюда все чаще.

– Забавно. Некоторое время назад, когда я любовался другим пейзажем, довольно далеко отсюда, мой друг произнес точно такую же фразу.

Полин немного помолчала, затем продолжила:

– Как же надо было упасть, чтобы так разбиться...

– Ну, вот как-то так навернулся.

– Не хотела бы я обнаружить вас утром лежащим на лестнице со сломанной шеей.

Тома ограничился улыбкой.

– Пещерный человек не считает бестактным, что я интересуюсь его персоной?

– Не стоит заострять внимание на такой ерунде. Вы не знаете, почему эта речка называется Ренонс?²

– Понятия не имею.

– Деревня, в которой я жил в Индии, носит название Амбар, что означает «небо». Названия редко бывают случайными, они, как правило, с чем-то связаны.

– Ренонс – красивая река, и мне бы не хотелось, чтобы ее название ассоциировалось с чем-то неприятным. Вам удалось встретиться с родными?

– Они живут не здесь.

– Однако вы говорили, что согласились на это место из-за вашей семьи...

² В переводе с французского означает «отказ, отречение». – Прим. пер.

Тома повернулся к Полин и посмотрел на нее в упор. – Это допрос?

– Я бы никогда себе такого не позволила, но мужчина, которого я очень уважаю, недавно напомнил мне, что откровенность – хороший фундамент для отношений. Я считаю его порядочным человеком и беспокоюсь за него. Мне все больше и больше кажется, что он несет в одиночку какую-то нелегкую ношу.

– С чего вы взяли?

– Я тоже одна несу свою ношу. Видимо, мы распознаем в других людях чувства, которые испытываем сами. Что вы об этом скажете?

– У пещерного человека лучше получается рисовать мамонта на стенах пещеры, чем вести такие разговоры.

– Знаете, месье Селлак, я знала многих мужчин, и довольно хорошо. И ни одного из них я не понимала. Что они ищут? Чего хотят от нас? Я сходилась с ними так близко, что последний умудрился сделать мне ребенка. Я люблю своего сына и абсолютно не жалею о его рождении. У меня есть Тео и, даже если не всегда легко растить его одной, это истинное счастье, о каком я раньше и не подозревала. Его отец был тот еще фрукт, только и делал, что поглощал бифштексы, отращивал щетину и приносил несчастье девушкам, – за исключением моментов, когда был с ними на заднем сиденье автомобиля. Но это не имеет никакого отношения к Тео. Мой сын – маленький мальчик, который не должен расплачиваться за то, в чем не виноват. Он только начинает свою жизнь. И я надеюсь, что ему со мной повезло. Ради него я готова на все, на любые жертвы. Он не должен платить за мои ошибки.

Эти слова тронули Тома до глубины души. – Почему вы решили мне это рассказать?

– Я не знаю, что вы переживаете, доктор, но это явно что-то непростое. Вы не обязаны мне все рассказывать, но я не хочу скрывать то, что мне известно. Подозреваю, что у вас сложные отношения с вашей подружкой... Разница в возрасте...

– О чем вы? У меня нет подружки.

– Жаль. Я думала, вы не такой, как все. Но это ваше право. Франсуаза правильно говорит, чужая душа – потемки. Простите, что попыталась влезть к вам в душу. Этого больше не повторится.

– Черт возьми, Полин, да объяснитесь вы, наконец!

Медсестра подняла взгляд к горизонту.

– И кто только меня за язык тянул... Лучше бы занималась тихо своими делами. А теперь опять вляпалась, как обычно. Если я промолчу, вы будете на меня сердиться, и если скажу, будете сердиться тоже...

– Не усложняйте все еще больше. Говорите. Прошу вас.

– Мужчины часто нас осуждают, даже за те вещи, о которых сами просят... Ну ладно, я вас послушаюсь и буду откровенной: на прошлой неделе, когда я высадила вас в центре города, я видела, как вы ждете какую-то девушку, буквально со слезами на глазах. Думаю, именно из-за нее вы подрались. Истории любви редко бывают счастливыми. Мне вас очень жаль. И я просто не могла смотреть вам в глаза каждый день, держа все это в себе.

Тома ослепительно улыбнулся:

– Вы за мной следили?

– Простите, я не должна была этого делать.

– Вы чуть не угробили меня, пока подвозили, насмехались надо мной, а потом сели мне на хвост?

– Понимаю, ужасно глупо, но это было сильнее меня.

Тома рассмеялся:

– Я что, действительно плакал, пока ее ждал?

– Да.

– Я этого даже не заметил.

– Она очень красивая. Но встречается с кем-то другим, так?

– Его зовут Ромен. Я чуть с ума не сошел, когда увидел их вместе, но мне кажется, он хороший парень.

– Вы умеете достойно признать свое поражение. А ее как зовут?

– Эмма. Ради нее я готов на все, на любые жертвы. Она не должна платить за мои ошибки... Это моя дочь.

Непонятно, была ли причиной еще одна сломанная доска старой скамьи, но Полин рухнула в траву.

20

– Месье Феррейра, могу я с вами поговорить наедине?

Джентльмен с тростью поправил очки и выпрямился.

– Не знаю, что вам рассказали, доктор, но все это гнусная ложь. Чистой воды клевета. Я не крал никакого лимонного печенья, и с париком Шанталь прошлой ночью тоже баловался не я.

– Все это не имеет отношения к теме нашего разговора. Не могли бы вы пройти в мой кабинет?

Явно испытывав облегчение, Жан-Мишель последовал за Тома, проглотив на ходу две маленькие конфетки, словно самому себе в награду. Доктор закрыл дверь и предложил пожилому мужчине сесть в кресло.

– Месье Феррейра, я буду говорить прямо. Несмотря на изобилие зайчиков у нас на стенах и запас игрушек в кладовых, вы сами ведь уже не ребенок, не так ли?

Жан-Мишель удивленно поднял брови.

– Я не собираюсь вмешиваться в вашу жизнь, – продолжил Тома, – но хотел бы поддерживать вас в форме как можно дольше. Поэтому позволю себе дать вам совет.

– Слушаю вас, доктор.

– На вашем месте я бы значительно снизил потребление сладостей. Вы один съедаете их больше всех, кто обитал в этом заведении, когда оно еще было яслями. Это плохо как для давления, так и для уровня глюкозы в крови. Поедая столько конфет, вы подвергаете себя опасности.

– Вы видели мои анализы? Они плохие?

– Последние анализы не внушают тревоги. Вам повезло с метаболизмом. С таким количеством сладкого любой другой имел бы значительно худшие результаты. Но не стоит испытывать судьбу. Это дружеский совет. Вы меня поняли?

– Конечно, доктор, я постараюсь.

– Вот и хорошо. А теперь перейдем к другой теме. Насколько я понял, вы собираетесь уехать на три дня на следующей неделе?

– Да, я хочу провести свою жену. Она лежит в больнице на севере. Меня должен был отвезти сын, но он будет занят. Не помню уже, что там у него – свадьба или развод... Или это его жена выходит замуж или разводится, я не очень понял. Поэтому я, как большой, поеду на поезде. Полин взяла мне билеты.

– С чем госпитализирована ваша жена?

– Хронический диабет с осложнениями. Ей уже ампутировали ноги.

– Она будет рада вас видеть. Вам тем более нужно следить за своим здоровьем, чтобы иметь возможность навещать ее как можно чаще. Ведь вы не хотите услышать диагноз, означающий, что вы больше не сможете туда поехать?

– Конечно, не хочу.

– Я рассчитываю на вас.

– Когда запланированы мои следующие анализы?

– На следующей неделе. У вас будет время улучшить режим питания и оценить результаты.

21

Тома уже в подробностях изучил кору на стволах больших каштанов, растущих возле училища. Особенно ему нравился тот, на котором на высоте детского роста была вырезана собака – а может, кот. Какой же пещерный человек не любит примитивного искусства?

Почти каждый вечер он занимал свой пост, чтобы увидеть дочь. Затем следовал за ней. Из любителя подглядывать он превратился в телохранителя. Тома усовершенствовал свою технику слежки и теперь делал это гораздо профессиональнее. Он даже изучил несколько приемов в интернете. Он научился сливаться с толпой, предвидеть передвижения Эммы, и ему удавалось подбираться к своей подопечной все ближе. Несколько дней назад он даже ощутил аромат ее духов. На следующий день он почти час провел в парфюмерном магазине, выясняя их название, и купил себе флакон. Так в своей служебной квартире он чувствовал себя рядом с Эммой, но разрешал себе вдыхать аромат только один раз в день, чтобы не приелся.

Всякий раз, отправляясь на «операцию», он продумывал свой наряд. Он стал настоящим профессионалом в искусстве изменения внешнего вида, иногда даже в течение одного вечера, – при помощи кепки, шарфа или куртки, надетой наизнанку. Однажды его страсть к переодеванию чуть не сыграла с ним злую шутку, когда, устремившись из ресторана в солнцезащитных очках, он не заметил большого застекленного проема. Удар был ужасным, а падение зрелищным. Тома был похож на насекомое, с размаху влетевшее в закрытое окно, только шума надедел гораздо больше. К счастью, Эмма была уже слишком далеко, чтобы заметить его нелепое злоключение. Лоб, однако, кровоточил так, что Полин поначалу даже хотела наложить швы. Но доктор отделался эффектной повязкой в стиле египетской мумии. Элен, Шанталь и Франсуазу его вид растрогал, а Франсиса и Жан-Мишеля изрядно повеселил.

С тех пор как медсестра была посвящена в его тайну, она регулярно интересовалась новостями об Эмме, но Тома оставался немногословен. Зато, в целях экономии времени, все чаще соглашался, чтобы Полин подвезла его в город. Они оба полюбили те минуты, когда, сидя в машине в ожидании зеленого света, рассказывали друг другу что-нибудь о своей жизни.

В этот вечер речь зашла о братьях и сестрах. У Полин был старший брат, Антуан, который, к ее великому сожалению, переехал жить в Аргентину. Она всегда с ним хорошо ладила и очень переживала, что они не видятся. Тома рассказал о своей сестре, которая жила не так далеко, но сожгла все мосты. Тоже к его великому сожалению.

– Вы должны ей написать, сообщить о своем возвращении. Может быть, вам даже стоит рассказать ей, что у нее есть племянница.

– Шутите? – поперхнулся Тома. – Она и так считает меня недостойным сыном и отвратительным старшим братом. И вы всерьез считаете, что для налаживания отношений я должен сообщить ей, что ко всему я еще и безответственный отец?

– У вас странный взгляд на вещи...

Медсестра высадила Тома около училища.

– Я вам очень благодарен, Полин. Обнимите от меня Тео и скажите ему, что в субботу я собираюсь взять реванш в «Кроличьей охоте».

– Хорошего вам вечера, удачи. Честно говоря, я в восторге от вашего ярко-фиолетового свитера. Если бы пещерный человек носил такое два миллиона лет назад, то в пещерах наверняка появились бы заведения для геев.

Она расхохоталась. Тома с оскорбленным видом осмотрел свою одежду.

– Почему вы так говорите?

Полин весело рванула с места, не дав ему закончить фразу. Он посмотрел ей вслед.

– Что не так с этим свитером? – неожиданно для себя спросил он вслух.

Затем улыбнулся и запахнул плащ, чтобы никто свитер не видел.

* * *

На улице заметно посвежело. Тома поднял воротник и, верный своим методам шпионажа в засаде, принялся терпеливо ждать. Теперь он часто видел Эмму, но все равно не мог к этому привыкнуть. Каждый раз, когда она выходила из ворот, его сердце замирало в груди, и весь остальной мир словно исчезал. Этот вечер не стал исключением из правила, но все же преподнес небольшой сюрприз.

Когда доктор наконец заметил свою дочь, то обнаружил, что она сегодня тоже одета в фиолетовый свитер, только менее яркого оттенка. Разумеется, ее свитер не был приобретен по случаю для конспиративных целей. Он был с воротником и очень ей шел. Это случайное совпадение доставило Тома огромное удовольствие, какое обычно испытывают индивидуумы, готовые радоваться малейшему признаку сближения с любимым человеком.

Из сумки Эммы торчали свернутые в рулон афишки. Одну из них она под веселые комментарии подруг приклеила на доску объявлений училища. Тома был слишком далеко, чтобы разобрать текст. После ряда хитроумных маневров, достойных индейца-разведчика из племени сиу, ему удалось приблизиться и прочесть, что там написано. Речь шла о некой распродаже, которая должна была состояться через две недели в соседнем городке. Почему Эмма этим занималась?

Девушка не стала задерживаться и, к великому сожалению Тома, направилась к автобусной остановке. Доктор понимал, что это значило: Эмма собиралась вернуться домой, не встречаясь с Роменом. Это происходило всякий раз, когда она садилась в автобус номер 75. Тома несколько раз следовал за ней на такси. Такой быстрый отъезд означал, что у него будет слишком мало времени для наблюдения. Он пошел за девушкой, дорожа каждой секундой, и увидел, как она приклеила еще одну афишку на стекло своей остановки. Как всегда в таких случаях, он подождал, пока она поднимется в автобус, и прошептал: «Всего хорошего, дочка. До завтра. Я тебя обнимаю». Он смотрел вслед автобусу, пока тот не скрылся из виду на круглой площади. Иногда на повороте ему удавалось разглядеть силуэт своей дочери среди других пассажиров. Несколько драгоценных секунд, вырванных у разлуки. Но это случалось нечасто. И в этот вечер не случилось.

Тома остался один, среди тех, у кого были какие-то дела или намечалась встреча. Дорого ему человека здесь больше не было, и это читалось на его лице. Оно было не только грустным, но и встревоженным. Ведь он больше не мог заботиться о дочери.

Возвращаясь в дом престарелых, доктор просил всевозможных богов всех религий, которые только были ему известны, оберегать Эмму. Он вверял им ее жизнь, перебирая, словно бусины четок, имена сверхъестественных существ, с которыми познакомился во время своих поездок. Тома не знал, похоже ли это на молитву, но он еще никогда ни ради кого так не делал.

Шагая по пустующим улицам, удаляясь от городской суеты, он вспоминал обо всем, что ему удалось пережить вместе со своей дочерью, которая все еще ни о чем не догадывалась. По большому счету Эмма была в том возрасте, когда родители уже не так плотно опекают детей. Это в младенчестве за ними нужен глаз да глаз, но начиная с подросткового возраста они все больше времени проводят вне дома. Если Тома был лишен счастья видеть детство Эммы, ему хотя бы выпал шанс наблюдать за ее жизнью сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.